

Владимир Поселягин

ПРОРЫВ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Владимир Поселягин

Прорыв

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Прорыв / В. Г. Поселягин — «АСТ», 2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-109606-9

Анатолий Суворов умеет вести за собой людей. И продолжает бить противника в его тылу. Отчаянные бои, но на этот раз Анатолий командует не моторизованной мангруппой, где основной силой были танки, а диверсантами в тылу врага. Теперь он использует другую тактику и совсем другую технику, которая на голову выше его любимых танков и самоходок. В прямом смысле этого слова – выше.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-109606-9

© Поселягин В. Г., 2018
© АСТ, 2018

Владимир Поселягин

Танкист: Прорыв

© Владимир Поселягин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

* * *

Мотоцикл пылил, скатываясь по склону к ложному посту внизу. Было заметно, что если поначалу ложные фельджандармы забеспокоились, то потом расслабились. Опознали-таки Лосева. Тем более тот был в форме красноармейца, сидел сразу за старшим сержантом Минским. Лейтенант Казанцев, что и командовал этой группой, вышел вперёд, когда мотоцикл с моими бойцами подъехал вплотную и остановился. Разговор долго не продлился, не только мы, но и Казанцев со своими видел огромную толпу пленных, которых сотня немцев вела в свой глубокий тыл. Кстати, а вели к ближайшей железнодорожной станции, судя по карте. Эта дорога именно туда и пролегала.

Видимо, всё, что нужно, Лосев выяснил достаточно быстро, потому как снова занял сиденье позади Минского, и мотоцикл, развернувшись, ревя мотором, стал подниматься на холм, где стояли мой бронетранспортёр, грузовик и второй мотоцикл с Майским. Причём группа Казанцева, быстро собравшись и устроившись на своих транспортных средствах, последовала за ними. Видимо, лейтенант хотел лично со мной поговорить. Пока не знаю зачем, но мало ли что, отложив ревизию мин и детонаторов к ним, сами запалы хранились у меня в планшетке, я открыл скрипнувшую петлями дверцу с водительской стороны бронетранспортёра и покинул кабину, поправляя складки своей формы фельдфебеля вермахта. Встав, я спокойно ожидал возвращения Лосева и прибытия группы Казанцева. Было их шесть человек по количеству транспорта. На двух тяжёлых «БМВ» сидели хорошо знакомые мне бойцы, всех их я знал в лицо, с Казанцевым так тем более, не раз ставил ему задачи по той или иной боевой операции.

Минский, проехав мимо, лихо развернулся и встал на обочине так, чтобы пулемётчик держал дорогу, где вдали уже хорошо виднелась колонна пленных, под контролем пулемёта. Тут и оба мотоцикла Казанцева подкатили. Сам лейтенант, лихо соскочив с передового мотоцикла, молодцевато отдал честь, рассматривая меня радостно блестящими глазами, и, немного запинаясь от волнения, доложил:

– Товарищ майор, группа под моим командованием занимается добычей припасов по приказу старшего лейтенанта Михайлова. Один из приказов гласил: найти вас и вывести вас на стоянку нашей основной группы. Товарищ старший лейтенант хочет, чтобы вы снова взяли командование над нами.

– Так тяжело? – осмотрев лейтенанта с ног до головы, уточнил я.

Бойцы уже были опытные. И хотя они не такое и долгое время пробыли под моим командованием, но успели вкушать радость побед и получили некоторый опыт. То есть как организовывать ложные посты фельджандармов и как носить трофейную форму знали, хотя в основном этим занимались пограничники Волохова, даже благодаря мне имели представление об уставе вермахта, чтобы не засыпаться по мелочам. В этой группе погранцов не было, четверо миномётчиков из взвода Подгорного и двое танкистов, тут я и самого Казанцева считаю. Тот был одет в форму рядового, но форма подогнана отлично, всё правильно в амуниции располагалось, карабин на плече. В общем, с виду настоящий пост, но никто из ложных жандармов по-немецки не говорил. Решили на шару действовать, так как группа Михайлова остро нуждалась

в припасах, тут не только топливо и боепитание, но и продовольствие, второй день не ели. После того как те позавчера покинули лагерь, ничего добыть им не удалось, не везло. Решили пропускать крупные колонны и брать одиночные грузовики, ну или небольшие группы из двух-трёх машин. Требовалось добыть продовольствие и топливо. Группа Казанцева у Михайлова была одна, сначала пытались работать в другом месте, но слишком оживлённая трасса, сегодня перебрались сюда, и вот результат, встретились с нами. Пока ничего подходящего им не попало. Уже часа три тут стоят, но ничего из интересного. Тут тоже ясно, мы же на этой дороге фактически и работали и все небольшие колонны перехватили, вот Казанцеву ничего и не досталось.

А то, что о моём побеге те знали, Казанцев сам сообщил. Да, они покинули лагерь, когда я ещё в подвале сидел. Тут Михайлов как поступил, увёл исправную технику куда-то остатков топлива хватило и отправил шестерых надёжных парней обратно, с приказом по-тихому освободить меня. Вот те и выяснили, что я уже сам бежал со своими людьми, и вернулись ни с чем. Старлей, прекрасно представляя, что я на месте не усую и найти меня можно будет только случайно, встретить где на дороге, отрядил группу Казанцева, и тем действительно повезло. Правда, как доложил лейтенант, таких групп, отправленных на мои поиски, было разослано ещё четыре, пешими, но только у Казанцева была трофейная форма, у него основная задача – добыча нужных трофеев, остальные искали меня в красноармейской, стараясь не выходить на дороги.

Задумавшись, я посмотрел на лейтенанта и сказал:

– Стремления Михайлова мне понятны, у него слишком мало опыта, чтобы командовать мангруппой, и моя помощь будет кстати, и я не против, в ближайшие пару дней мне будут нужны танки и танкисты, в которых я уверен. Для миномётчиков тоже работа найдётся. Рейд у меня продолжается. Нужно поговорить с Михайловым, он далеко?

– В восемнадцати километрах наша стоянка. Укрылись в овраге, натянув сверху маскировочные сети, оттого нас пока и не обнаружили. Следы гусениц замаскировали. Маскировка очень хороша, вы бы остались довольны.

– Возможно, – так же задумчиво покивал я, внимательно слушая лейтенанта. – Отправляться к группе с пустыми руками не стоит, значит, придётся поискать всё, что требуется. Перечисли, что вы увели из общего лагеря?

– Да всё, кроме двух немецких бронетранспортёров, КВ капитана Якушева и двух танков на последнем издыхании. Того, у которого проблемы с коробкой, и у другого, где двигатель греется. Мы с них всё сняли и ушли. Бойцы Волохова пытались задержать нас, но мы на них пушки повернули, и они отступили. Злые были. Ещё взяли три грузовика, остальное пограничники не дали. Ваш внедорожник с зениткой тоже себе оставили, его старший лейтенант Волохов себе забрал. Эти два мотоцикла – всё, что у нас есть. Вот кухню увести не дали, интендант и часть хозяйства остались в общем лагере, а ремонтный взвод в полном составе и бойцы Погорелова – все с нами. Экипаж и часть танкистов, что пришли с Якушевым, тоже остались с ним. Мы с ними плохо знакомы были. В общем, весь наш старый состав с нами. Те, кто ещё сомневался, ушли следом за нами уже после того, как вы сбежали, их наши разведчики привели, которые должны были вас освободить.

– Понятно. Значит, так, лейтенант. К своим двинем, как стемнеет, а сейчас у нас есть срочное задание. Мы с моими новыми бойцами взяли в плен ещё одного немецкого генерала, в кузове с адъютантом и полковником сидит. При них были карты и все документы по местонахождению немецких войск ближайших армий в настоящее время. Думаю, ты понимаешь всю важность этих бумаг. Они в срочном порядке должны оказаться в Генштабе в Москве. Даже не в штабе фронта, который тут стоит, потому как Павлов, не знаю, арестовали его или ещё нет, доверия у меня не вызывает. Он или дурак, или предатель. Поэтому идём к аэродрому, отбиваем самолёт, пилоты у меня есть, и отправляем их напрямик в Москву. Если возьмём

транспортный «юнкерс», дальности у него хватит. Медлить не будем, у нас мало времени. По пути будем работать под посты, добывать всё то, что нужно Михайлову. Всё ясно?

– Так точно, товарищ майор, – по-старорежимному, как я и учил, козырнул тот. – Разрешите доложить?

– Что у вас?

– Баки пустые, мы сюда на последних каплях приехали, последнее с грузовиков сливали, решили, что без трофеев этот перекрёсток не покинем.

– Вон канистры на борту бронетранспортёра. Заправляйтесь, а я пока посмотрю, что там с колонной пленных. Хочу освободить их. Постреляем конвой.

– Так мы только за, – широко улыбнулся лейтенант.

Пока Казанцев командовал заправкой, он и в наш французский грузовик заглянул, на пленных немцев посмотреть, заодно перекинулся парой слов с лётчиками, а я отошёл к капоту бронетранспортёра и достал из планшета карту. Минский её рукой прижимал, иначе ветерок края трепал. Изредка задумчиво кидая взгляд на приближающуюся колонну пленных, я стал планировать дальнейшие шаги. До наступления темноты осталось не так и долго, фактически меньше часа, и нужно многое успеть. Пока я занимался делом, все старались не шуметь, понимая, что отвлекать меня сейчас не стоит, Лосев тоже не сидел без дела. Бойцы Казанцева, как и остальные из группы Михайлова, голодны, а запасы продовольствия в грузовике у нас были, так что Михайлов, забравшись в кузов, распределил их на пайки и выдал бойцам. Поэтому, когда я уже мысленно спланировал операцию, те как раз заканчивали ужинать, жадно хватая всё, что им выдали. Да уж, двое суток без еды, фактически на одной воде, это серьёзно. Если так протянуть, у всех бойцов и командиров мангруппы будет резкий упадок сил.

К этому моменту пленные уже совсем приблизились, их стало видно невооружённым глазом, и стоило бы поторопиться. Насчёт некоторых из пленных в колонне у меня были серьёзные планы. Мне одна интересная идея пришла в голову, я и решил: а почему бы не попробовать? Можно оперировать и подобными силами. Если проще, то мне был нужен технический состав ВВС и сами лётчики. В этот раз нужны все, кто относится к авиации: техники, оружейники, лётчики, да даже зенитчики или те же командиры, способные управлять авиаподразделением. Да, я решил изменить себе и создать новый основной боевой состав. Михайлова я тоже планировал держать при себе и устраивать рейды, но не так, как мы делали до этого. Новая боевая группа станет авиационной. Вот тут могут открыться шикарные возможности для совместных действий авиации и танков в тылу врага. Да мы такой террор сможем навести, что полностью блокируем транспортные артерии вермахта.

К сожалению, пленным в колонне не повезло, наблюдатель подал сигнал, на дороге появилось облако пыли и показалась длинная моторизованная колонна, что двигалась в сторону передовой. Зло ударив по капоту бронетранспортёра и слегка отбив кулак, я свернул карту и убрал её в планшет, после чего сухо скомандовал:

– По машинам.

Ставить задачу немедленно я не стал, отъедем чуть дальше, соберу всех своих и тогда сообщу, что спланировал. Я никогда не работал, как другие командиры в РККА, то есть не действовал шаблонно. Также я старался ставить в известность по плану всех, начиная от командиров, заканчивая обычными бойцами, чтобы каждый знал, что делать, и операция шла как швейцарские часики. А то командир поставит приказ, а что кому делать, в подразделениях не знают, как сержанты надумают, так и поступают, что не всегда приводит к нужным результатам, я же обычно всё разжёвываю, что именно нужно делать. Именно это и обеспечивало нашу высокую мобильность и высокие показатели в действиях в тылу противника, с нанесением ударов по уязвимым точкам в местах концентрации их войск. Вот и сейчас не собирался отступать от своих привычек.

Выстроившись в колонну – Минский всё так же возглавлял нашу группу – и двигаясь впереди, мы успели спуститься с холма к перекрёстку, где до этого стоял пост Казанцева, и выехали на дорогу прежде, чем подъехала колонна немцев. В общем, мы свернули в тыл немцев. Ха, несмотря на то что нам помешали освободить часть пленных, уничтожив конвой, я не передумал проводить эту боевую операцию. Мне нужны были люди, причём высокомотивированные, коих в этой колонне должно было успеть скопиться немало. Пока мы стояли на холме, то слышали далёкие одиночные хлопки выстрелов немецких карабинов. Их три было, если быть точным, Казанцев специально смотрел в бинокль, чтобы подтвердить мои слова о происхождении этих выстрелов, и с белым от бешенства лицом подтвердил: немцы добивали раненых и уставших, которые не могли идти дальше. В принципе, бойцам это и так было известно, но одно дело слова, другое – когда они сами всё это видят. Так что пока гнали этих пленных, успевших нахлебаться гостеприимства немцев по самое не балуйся, вот таких я и хотел набрать. Остальных, что не захотят к нам, неволить не буду. Это моим бойцам известно, что их ждёт, а те пусть на своей шкуре прочувствуют.

Отъехали мы на километр, найдя просто отличное место для атаки, а точнее, расстрела конвоя. Открытое со всех сторон поле с ровной дорогой, спрятаться просто негде. Конечно, и нас видно, но мы изображали усиленный пост, так что место для него вполне походит, тут был перекрёсток нескольких второстепенных полевых дорог. Бойцы так развернули мотоциклы, чтобы держать обе обочины дороги, по которой к нам шла колонна, под прицелом. Немцы как раз по обочинам и шли, выдерживая дистанцию, чтобы пленные не успели в рывке добежать и напасть, поэтому у нас была фактически идеальная позиция для стрельбы. Для того я это место и выбрал. Вот так и поставил задачу, когда позиции были подготовлены, а это не сложно, требовалось лишь развернуть мотоциклы и бронетранспортёр с пулемётами, чтобы можно было стрелять. Да ещё снайпер наш в стороне занял позицию. Его задача – отстреливать тех из немцев, что уцелеют и будут самыми активными. Ну, и офицера первым делом снять, а потом унтеров, если они уцелеют, конечно.

Распределив роли каждого, кто откуда стреляет и что потом делать группе, я устроился в бронетранспортёре и стал ожидать, изредка поглядывая на свежую карту, добытую у фельджандармов. Генерал-майору Кротову для уничтожения аэродрома и выхода к нашим я дал другую. Неподалёку имелся пункт сбора трофейного вооружения, всего в четырёх километрах, и вот я планировал захватить его. Тут и пленных вооружу, и возможно, добуду топлива для Михайлова. О продовольствии я помнил, добудем тоже, но уже у немцев. Сомневаюсь, что тут вблизи были склады со столь нужным нам продовольствием.

Спохватившись, я перебрался в десантный отсек и забрал у Лосева свою форму, переоделся, снова став майором РККА. Когда нужно будет говорить с освобождёнными пленными, это может пригодиться. Когда я вернулся на сиденье водителя, то сразу запустил двигатель, наблюдая за совсем приблизившейся колонной пленных. Когда до передних осталось метров пятьдесят, я скомандовал:

– Огонь!

Из-за того, что до железнодорожной станции осталось километра четыре, а уже начало темнеть, видя, что они не успевают, конвойные подгоняли и так выдохшихся пленных как могли. Выстрелы в конце колонны звучали всё чаще, однако нам это всё играло на руку. Ну, кроме того, что добивали совсем обессилевших. Из-за наступления сумерек дороги опустели, немцы вставали на постой где могли, в деревнях или в чистом поле, готовясь к ночёвке. К счастью, вокруг никого и ничего не было. Пользоваться мы собирались немецким оружием, опытные ветераны вермахта легко различают, где работают «свои» пулемёты, так что если кто и услышит быстро стихшую перестрелку, то не думаю, что уделит этому много внимания. Не беспокоятся. Бойцы ждали этого приказа, а сигнал к открытию огня – первый выстрел из пулемёта, стоявшего на бронетранспортере, и как только пулемётчик дал длинную, в двадцать

патронов очередь, скосив дальних немцев в конвое, то остальные четыре пулемёта, установленные в колясках, открыли шквальный огонь. Да и трое разведчиков, у которых не было трофейной формы – точнее, теперь была, но я приказал пока не переодеваться, нужно, чтобы пленные видели, что это свои, – высыпали из десантного отсека и, встав на одно колено, открыли огонь из своих СВТ. Бабочкин, который и стоял за пулемётом в бронетранспортёре, короткими очередями гасил любые очаги сопротивления на своей стороне обочины, Лосев у него за второй номер был, готовился подать следующую банку, чтобы перезарядиться, как только отстреляются. К счастью, этого шквального огня, практически в упор, хватило. Немцев мы положили, и пока шла спешная перезарядка пулемётов, надо было один в резерве оставить, разведчики со своими СВТ нас страховали. Да и лётчики, что выглядывали из кузова вездеходного грузовика, тоже держали трофейные карабины наготове. Правда они как раз огня не открывали, у них своя задача была, охранять пленных офицеров.

Как только перезарядка закончилась, я скомандовал:

– Пулемётчики в прикрытие, остальные вперёд, не дать пленным разбежаться.

Пулемётчики короткими очередями поперёк бега, а некоторые всё же рванули в безнадёжный рывок, остановили их. А куда? Открытое поле вокруг со снятым урожаем, укрыться нигде, от пули не спрячешься. Так что этими очередями бойцы показали пленным, что шутить с нами не стоит, следующая уже может и на поражение прилететь, пока же только предупреждаем.

Открыв дверцу, я прихватил ППД и, в сопровождении Лосева и трёх бойцов в красноармейской форме, направился к огромной толпе пленных. Два мотоцикла отъехали в сторону в поле, чтобы и конец колонны контролировать. А водители спешили и, держа автоматы наготове, с пулемётчиками подстраховывали нас. Вот так придерживая висевший на плече автомат, я шёл мимо колонны уставших пленных – некоторые уже вооружились за счёт перебитых конвойных, надо сказать, треть можно смело записать на их счёт – и, рассматривая их, только качал головой. Многие ранены, повязки видны, возможно легко, раз такой путь смогли выдержать, но всё же это не очень хорошо. Судя по петлицам и нарукавным нашивкам, командиров вели вместе с рядовым составом. То есть просто собрали в одну общую кучу и гнали к ближайшему сортировочному центру, что и находился как раз в четырёх километрах от нас, в селе у железнодорожной станции. Забыл, как она называется.

Дойдя так до середины колонны, по примерным данным тут было около двух тысяч человек, я посмотрел в обе стороны и громко приказал:

– Построиться в колонну по трое. – И пока ближайшие пленные нехотя выполняли приказ, я повернулся и велел двум бойцам, чтобы те отбежали в сторону и передавали мои приказы тем, кто их не слышит. Раненых этот приказ не касался, они могут отдыхать сидя или лёжа.

Бойцы разбежались, и дело двинулось быстрее. Дальше, закончив строить освобождённых, я приказал: те, кто хочет биться с захватчиками дальше, два шага вперёд; те, кто устал и ему этого не нужно, остаться на месте. Как я и думал, два шага вперёд сделали практически все командиры, из бойцов две трети, остальные остались стоять на месте. Правда и среди них встречались командиры вплоть до капитана. У каждого могут быть свои причины, однако никаких оргвыводов делать я не стал и приказал своим мотоциклистам гнать их прочь. Пусть к станции идут, немцы их там примут. Те и пошли, командовал там тот самый пехотный капитан.

Уже окончательно стемнело, и пришлось зажечь фары мотоциклов и бронетранспортёра. Понятно, что нужно уходить, но просто так это делать не стоит, я, конечно, не из политотдела, но толкнуть речь было просто необходимо.

– Товарищи командиры и красноармейцы. Я майор Корнев, командир моторизованной группы, которая вот уже как несколько недель воюет в тылу немцев, проводя диверсионные мероприятия. Нами были уничтожены аэродром с сотней самолётов, танки, штаб пехотного корпуса, где мы уничтожили пять немецких генералов... – рассказал о боевом пути отряда,

бойцы-глашатаи передавали дальше, и закончил я вот какой фразой: – Все вы считаетесь неблагонадёжными как попавшие в плен. Неважно, случайно это произошло или нет, но у вас есть шанс искупить этот проступок, вступив в мою часть. Могу обещать, что атак на пулемёты не будет, мы действуем по-другому, воюем из засад, и никогда до последнего. Всегда ударил – убежал, из-за чего потери в моих подразделениях минимальны, а у противника просто огромны. Формирование подразделений начнётся завтра, сейчас же вам нужно пройти на прямую по полю три километра, так будет ближе, чем по дороге, там за рощей находится небольшой сборочный пункт советского вооружения, собираемого немецкими трофейщиками. За этот счёт вы и вооружитесь. Питания пока не обещаю, похоже, это тоже до завтра, но раненых и ослабевших возьму в кузов грузовика и бронетранспортёра. Места мало, поэтому берём тех, кто уже не может идти. Потерпите, парни, рывок тяжёлый, но он нужный. Старшие командиры, подойдите ко мне, остальным готовиться к выходу.

Среди пленных действительно было несколько командиров в довольно высоком звании. Генералов я не заметил, видимо их как-то по-другому перевозят, а вот полковников оказалось аж трое. Точнее, два полковника и один бригадвоенюрис, только у него в петлицах было не по четыре шпалы, как у полковников, а по одному ромбу, хотя в званиях они были фактически равны. Были ещё один подполковник, один военврач первого ранга и заинтересовавший меня специалист-военинженер первого ранга. Также было четыре майора, один из которых танкист в явно повреждённом огнём френче, видимо горевший комбинезон он сбросил. На шее были видны пятна ожогов, на голове бинт. Среди командиров также было несколько раненых. Ещё были командиры и в капитанских званиях, но их больше десятка.

Ещё раз представившись, остановил командиров, которые также хотели представиться, и пояснил:

– У нас очень мало времени. В кузове того грузовика находится пленный немецкий генерал, которого нужно срочно доставить к нашим, он имеет очень важные сведения. Которые могут помочь выстроить оборону. Думаю, теперь вы понимаете, как нам важно отправить его как можно быстрее в тыл. Это не ваша задача, а моя. Я же поставлю вам такую задачу. Кто из вас, товарищи полковники, боевой командир, а кто работал на штабной работе?

Выяснилось, что оба боевые. Один, тот, что имел артиллерийские эмблемы, был начарта стрелкового корпуса, а второй – командир стрелковой дивизии, окружённой немцами и этим утром окончательно разбитой. Вот с того времени и гонят в тыл. Не кормили, не поили. Попить только однажды довелось, когда вброд реку переходили. Так что обезвоживание тоже царило среди пленных ещё то. В общем, я подумал и, как представитель Генштаба, уж брать на себя полномочия так брать, иначе эти полковники мне подчиняться не будут, я стал ставить задачи:

– Держите карту, можете оставить её себе, у меня ещё есть. Значит, так, товарищ полковник, вы становитесь командиром, а вы, товарищ комдив, заместителем. Ваша задача – довести всех освобождённых вот сюда к пункту сбора трофейной техники. Пока вы идёте, я со своими бойцами уже уничтожу охрану. На месте сразу вооружайтесь. Потом от вас потребуется ночной марш-бросок вот к этому лесному массиву. Там вас будет ждать питание. Полевые кухни я подгоню. Что-то перехватить можете на пункте сбора вооружения, это поддержит ваши силы. Там в лесу вы уже перейдёте под моё командование. У меня есть на вас планы...

– Вот что, майор, – остановил меня полковник. – За то, что освободил, спасибо, но мы всё же старше по званию. Мы уходим к нашим. Думаю, имеющие боевой опыт бойцы и командиры пригодятся на передовой больше, чем тут.

– Что ж, неволить не буду, – мысленно зло ругнувшись на этих дуболомов, я тут же попросил полковника-артиллериста: – Разрешите хотя бы поговорить с бойцами и командирами, мне нужны определённые специалисты в разных родах войск.

– Только после меня.

Полковник оказался прекрасным оратором, из тех, что могут зажигать сердца и поднимать в атаку, поэтому я не удивился, что, когда после него вышел вперёд и взял слово, отправиться под мою руку согласились едва ли сотня человек. Я даже по профессиям их не проверял. Да всё равно все пригодятся. Среди согласившихся уйти под мою руку оказался всего один капитан, да и то из ВВС. Начштаба бомбардировочного полка. Он вызвался, когда узнал, что мне и летуны нужны. Именно его я и поставил командовать своей группой, показал на своей карте, куда нужно идти, и велел, временно сформировав из бойцов роту, немедленно отправляться в путь. Лишь шестеро остались с нами, сил двинуться дальше у них не было. Рота уже ушла, а тут подошёл полковник-артиллерист.

– Вот что, майор, технику мы у тебя забираем...

– Что? – Я даже несколько растерялся от такой наглости. – Может, вам ещё вареньем морду намазать? Всё, полковник, кто не с нами, тот против нас. Теперь сами всё добывайте. Прощаемся.

– Да как ты смее... – договорить тот не успел, от моего мощного удара под дых сложился пополам, жадно хватая воздух, а оба бойца и Лосев, что продолжали страховать меня, вскинули винтовки и автомат, мой ординарец был вооружён таким же ППД, как и у меня.

Схватив полковника за ухо и выкрутив, я зашипел ему:

– Вот что, полковник, о твоём самоуправстве я доложу товарищу Сталину, так как работаю под его личным руководством, так что, будущий майор, готовь задницу и вазелин по возвращении к нашим. Понижение в звании – это минимум, что тебя ждёт, мудака.

Оттолкнув его в сторону, я скомандовал бойцам:

– Грузимся и уходим.

Недовольные моими действиями были, так как всё происходило на свету, выдаваемом узкими щелями защитных кожухов фар бронетранспортёра, поэтому под недовольный ропот мы ушли к машинам под прикрытиями пулемётчиков, погрузились, не забыв ослабленных бойцов, и, развернувшись, укатили по той дороге, что вела к ближайшей деревне, у которой и организовали склад собранного вооружения. Там три больших амбара было, в них всё и хранили. Ну, и рядом. Амбары успели окружить колючей проволокой на шестах, на забор у немецких трофейщиков пока времени не было, да и пункт хранения временный, в скором времени всё это вывезут. Откуда я знаю? Так от одного из фельджандармов. Их предупредили, что скоро будут гонять колонны с этих пунктов. Причём не авто, в основном на телегах к станции будут вывозить. Транспорт для других дел нужен, более важных. Хотя если грузовики для этого и будут использовать, то советские, трофейные, их тоже изрядно взяли, и пленные, что согласились сотрудничать, будут на них работать под присмотром немецких хозяев. Именно так тот жандарм и сказал, пока от меня в зубы рукояткой пистолета не получил. Нужно выбирать слова, когда со мной говоришь, раса господ хренова. Кстати, это был водитель этого самого бронетранспортёра, которым я сейчас управлял.

Что мне больше всего не нравилось, так это атаковать объект, который не известен. Количество немцев известно примерно, вроде как отделение охраны плюс сами трофейщики. Но они в деревне проживают, что находилась в километре от амбаров. Да и те принадлежали ранее местному колхозу. Здание управления, один склад и конюшня сгорели во время скоротечного боя у деревни, а то, что уцелело, немцы и использовали. Для начала нужно бы разведчиков туда заслать, чтобы там всё обнюхали, но из-за лимита времени пришлось действовать наудачу. Поэтому я остановился на полпути и, собрав бойцов вокруг, переоделся снова под фельдфебеля и поставил задачу по охране. Кстати, пришедшая восьмёрка повсюду жадно насыщалась, им и еды дали, и воды во флягах. У нас, вон, канистра воды ещё на бронетранспортёре имелась, всего наполовину опустошённая. Двое бойцов, не доев, просто вырубались, настолько устали. При инструктаже в большинстве я просил импровизировать, сразу реагируя на неожиданности и накладку. Ну, и направил Казанцева блокировать немцев в деревне. Пусть поставит два

пулемёта в укрытии и не даст им подойти. Точнее, те молчать должны до последнего, пусть немцы покинут деревню, направляясь к складам, и когда они подойдут поближе, неожиданно ударить в упор. Я приказал их уничтожить, постараться всех. Двух «мясорубок», как называли бойцы МГ-34, должно хватить. Не думаю, что в деревне кто-то ещё есть, от дорог та далеко, да и находится у песчаного карьера, фактически тупик, так что если и есть немцы на постое, то в основном как раз те же трофейщики. Опять-таки это предположение, точно мне известно не было, жандармы тоже не знали, я уточнял.

Закончив с постановкой задачи – описал практически каждому бойцу его действия, нажимая на то, что в случае нештатной ситуации требуется переходить на импровизацию, то есть думать самим, – я вернулся в бронетранспортёр и дал сигнал к продолжению движения. Мы внаглую подъехали прямо к воротам, опутанным колючей проволокой. Причём Казанцев со своими бойцами, сразу обогнав нас, уже проехал в сторону деревни, где искал позиции для засады. Я же остановил машину у ворот, остальные остановились по бокам от бронетранспортёра, а грузовика вообще не было, позади оставили на дороге. Пассажиры в этом захвате не участвовали.

Как только машина остановилась, я распахнул дверцу и громко скомандовал:

– Часовой, срочно начальника караула сюда. Русские окруженцы близко, мне нужно организовать тут оборону, чтобы они не ушли в леса.

Тот, уже собиравшийся меня окрикнуть, тут же заметался. Раз фельджандармы так беспокоятся, а бляху на груди у меня он рассмотрел, значит, дело серьёзное. Да и слухи ходили о танковых отрядах русских, что бродили по тылам вермахта. Вон, дикая в своей жестокости акция с аэродромом или штабом корпуса до сих пор на слуху. Подбежавший на шум обер-ефрейтор, начальник караула, торопливо доложил мне, что у него два часовых в караулах, ещё девять спят в двух трофейных палатках. Уточнив о русских окруженцах, он забеспокоился и тут же побежал выполнять мой приказ, поднимать и вооружать солдат. Даже часового снял с дальнего поста и привёл сюда. Дальше объявив, кто мы, под дулами пулемётов разоружили охрану и рассыпались по территории пункта хранения трофейного вооружения. Ну и ещё глазастый Бабочкин доложил, что наша рота на подходе, двое дозорных, что шли впереди, показались и торопились к нам, остальные, видимо, идут следом. Или ожидают, что эти двое проверят, действительно мы это мы или кто другие. Всё же повезло, что удалось обойтись без стрельбы, но снимать Казанцева я не торопился. Будем уходить, подам сигнал фонариком, как и договорились, чтобы те снимались.

Пока бойцы изучали амбары, сбивая замки с дверей, я общался с обер-ефрейтором, благо тот вполне охотно отвечал на мои вопросы, продолжая находиться в ошеломлении, и вполне знал, что тут имелось. В общих чертах, но знал. Как оказалось, сюда свозили всё, что находили неподалёку, а не чисто одно только вооружение. Что мне больше всего понравилось, на огороженной стоянке находилось около полусотни советских грузовиков. Правда, обер-ефрейтор сообщил, что там только две трети на ходу, остальные нужно ремонтировать. Отдельно в ряд стояла техника немецких трофейщиков: четыре грузовика, специализированный тягач и ремонтная мастерская в железном кунге на базе дизельного «Мерседеса». Мне такие уже встречались, однозначно берём. Также он меня порадовал тем, что среди трофеев имеются и бочки с топливом, нашли их в брошенных или захваченных машинах, или на разных небольших полевых складах, как бензин, так и солярка. Они находились под самодельным навесом за третьим амбаром. Точнее количества топлива тот не знал, но говорил, что бочек шестьдесят, а то и семьдесят там. Точно сказать не мог, он из охраны, а не трофейщик. Это к интендантам нужно, что учётные записи вели.

На вопрос о продовольствии тот тоже юлить не стал – есть, но по мелочам. На одном из складов хранили то, что нашли в брошенных машинах, и использовали для личных нужд. Узнав, где хранится продовольствие, я тут же отправил Лосева изучать запасы. Фонарик выда-

вать не стал, у того свой был. А вообще у бойцов, что всё осматривали, их было пять из последних трофеев, плюс два получили с охраны амбаров, так что было чем подсвечивать. Поэтому, когда рота с капитаном Зверевым подошла полностью, всё уже было прикинуто, и я стал заниматься сортировкой бойцов. Выяснив, есть ли водители – вперёд сразу вышло одиннадцать бойцов, из них было два младших командира, ещё с десятков командиров тоже могли водить, – сначала отправил их на склад к Лосеву. Тот там уже вскрывал банки с консервами, галеты и сухари подготавливал, на стеллажах раскладывал порциями, сделав нечто вроде столов. Там десять минут на быстрый перекус, и дальше кто к машинам, изучать и заправлять из бочек, кто на склады за оружием – ручными пулемётами, из тех, что исправны, карабины Мосина. Винтовки я брать запретил, слишком длинные. Ну, кроме двух, с оптическими прицелами. Эти пригодятся. Кстати, было два десятка исправных ДТ, видимо снятых с танков, у нас их был недостаток, приказал забрать все, как и диски. Патронов было не так и много, но бойцы, что оживились, напившись воды и наевшись, работали с огоньком. Зверев составлял списки того, что грузим, чтобы передать их Михайлову, так тот быстрее всё это освоит. Подгоняли машины к складам или к навесу с бочками и по доскам закатывали или затаскивали в кузова.

Всего на сто двадцать шесть бойцов, что согласились уйти под мою руку, было двадцать шесть командиров, остальные рядовой состав. Я сразу, можно сказать с ходу, сформировал два стрелковых взвода, назначив командиров, в том числе на отделения. Взводы в тридцать бойцов каждый, по десять в отделении. Остальные пока в ожидании назначения по специальностям. Отдельно я держал летунов. Кстати, майор Тонин тоже подъехал, когда до него добежал посыльный, сообщив, что сборочный пункт захвачен. Да, среди освобождённых пленных оказался профессиональный повар в звании сержанта, что заканчивал армейскую школу поваров в Харькове. А у нас среди трофеев как раз обнаружилось две из трёх исправных полевых армейских кухни образца сорок первого года. Третья повреждена была, расстрелял кто-то. Вот ему я и передал обе кухни под командование и двух бойцов в помощники, сразу приказав начать готовку из расчёта на триста семьдесят человек – и группу Михайлова, и роту Зверева учел. Тот и воду залил в котлы обеих кухонь, предварительно помыв их, рядом колодец был, и уже готовить начал.

Среди пленных было четверо зенитчиков во главе со старшим сержантом. А на двух полуторках стояли зачехлённые счетверённые «максимы». Вот те приняли их, благо обе машины на ходу, а зенитки в порядке, искали нужные патроны, снаряжали ленты. Готовили оружие к бою, также подыскивая среди освобождённых пленных, людей в расчёты. Там этот старший сержант и командовал. Снарядов было совсем мало, но подобрали те, что подходят к нашим танкам. Примерно триста снарядов, три боекомплекта, но хоть что-то. Среди разной техники обнаружилось аж три бензовоза, Зверев их признал своими, то есть те из какого-то авиационного полка, и эмблемы были. Цистерны пустые, но тот сообщил, что в нескольких бочках имеется авиационный бензин, у него запах специфичный, и вот стали его переливать в эти топливозаправщики. Авиационное топливо мне тоже было нужно.

Почти три часа шли работы. Ревели моторы, и только сейчас в деревне забеспокоились, отправив трёх солдат при утере к складам. Тревоги же не было, выстрелов тоже, чего торопиться. Мне о них посыльный от Казанцева доложил, в ножи их взяли втихую, чтобы дать нам побольше времени. А мы брали всё, что пригодится. Из оружия – только чтобы вооружить всех безоружных. Продовольствие всё забрали. В общем, двадцать девять грузовиков, по числу водителей, покинули территорию поста и под командованием Казанцева колонна двинула к месту стоянки мангруппы старшего лейтенанта Михайлова. В конце колонны дымили трубами обе прицепленные к грузовикам кухни. Я сообщил лейтенанту, где буду их ждать завтра к обеду, там и встретимся, а пока всё, что так остро необходимо танкистам, я им отправил. Главное, чтобы дождались и не сожгли с отчаянья технику и не отправились пёхом к нашим. Хотя это вряд ли, все такие паникёры остались с Волоховым, должны дожждаться.

Колонна ушла, а мы, сопроводив их до перекрёстка, повернули в другую сторону. К одному небольшому аэродрому, точнее площадке неподалёку от штаба одной из немецких армий, где стояли транспортные самолёты, используемые штабистами. Идея их использовать на грани наглости, но тем и живём. По поводу ушедшей колонны: конечно, ставить Казанцева на командование, когда есть командир в звании капитана, да ещё среди освобождённых было двое старших лейтенантов, один артиллерист-гаубичник, неправильно, не соответствует уставу, но мне на это было как-то наплевать. А Звереву я пояснил, будет авиачасть, будет командовать, а сейчас не его специфика. Кстати, те немногие из артиллеристов, что были среди освобождённых, нацелились на десяток пушек, что хранились тут же, подготовленные к вывозу, но я не дал их забрать. Да просто не нужны, танков вполне хватает, а терять мобильность я не хотел, тем более некоторые пушки можно было буксировать только используя лошадей, что-то там с рессорами связано, или передком. В общем, не моя специфика, но машины их буксировать не могли. Так что я с лёгкой душой отказался. А вот два стодвадцатимиллиметровых миномёта и три восьмидесятидвухмиллиметровых мы забрали с запасами мин, три машины ими загружены были. Из миномётов в порядке были только эти, остальные или на переплавку, или в ремонтные мастерские на серьёзный ремонт. Ничего, Погорелов разберётся, всё же профессиональный миномётчик, да и расширит свой взвод до усиленной батареи, я на это дал добро.

Михайлову я отправил несколько листов с приказами на ближайшее время, Казанцев передаст, когда доложится. Там подробно расписаны его действия на ближайшие неполные сутки. По пути, по выполнении одного из заданий, тот и мою группу подхватит, между прочим, заметно уменьшившуюся. Пришлось отдать всех парней из разведчиков Минского, что умели водить. Остро требовались водители. Это временно, соединимся, бойцы вернутся к сержанту. Конечно, бесила дуболомность обоих полковников, что так неожиданно упёрлись рогом и решили действовать по-своему, когда я их освободил, а у меня уже такие планы на них были, но ладно, чем мог, помог, отбрав особо обнаглевшего. Об этом я обязательно доложу в следующем рапорте на Большую землю, но не воспользоваться информацией, полученной из бумаг, взятых с полковником-штабистом, я просто не мог. А там настолько свежая информация, чтобы нанести по ним удары, что слюнки текли. Естественно, всё охватить я не мог, сил мало, но хоть мизерную часть раскатать поручил в тех приказах Михайлову. Пусть самостоятельно повоюет, а дальше разберёмся, уже можно решать более серьёзные задачи. Только к тому времени у нас должна быть своя авиация, наша или трофейная – не важно, но решить некоторые задачи без неё будет не только сложно, но и практически невозможно. А совместными ударами авиации, тех же штурмовиков, и танков можно выполнить любую задачу. И я не шучу. Практика покажет, прав я или нет.

Несмотря на то что часть бойцов пришлось отдать, моя колонна в технике не уменьшилась, так же пылит Минский метрах в пятидесяти впереди, осуществляя передовую разведку. За ним мой бронетранспортёр ревет мотором и лязгает гусеницами. Заправленный советским бензином, он вполне бодро двигался вперёд, да и канистры были пополнены. Этим Бабочкин занимался, выбирал тот бензин, что нужно, советуясь с опытными водителями. За нами катил грузовик с пленными и летчиками, ну и замыкал мотоцикл Майского. Все, конечно, устали, но остался последний рывок в тридцать два километра до нужной площадки, где имеются транспортные самолёты, отправим груз на Большую землю, и отдохнём. Найдём безопасное место, выпьемся. Я и сам чувствовал сильную усталость.

Рванули мы напрямки, но постов не встретили, мы их объехали благодаря золотой карте, добытой у фельджандармов, так что уже через полтора часа были на месте. Встали километрах в двух от того места, где находилась площадка с самолётами. Два бойца, что отсыпались в десантном отсеке бронетранспортёра, поправив амуницию, выслушали мои инструкции и скрылись в темноте по направлению к аэродрому. На них непосредственная разведка местности, а мы все легли спать, пользуясь свободной минуткой. Но выставили двух часовых – самого

часового и подчасика. Встали-то на дороге, прямо в поле неподалёку от двух разбитых советских грузовиков. Майский уже туда бегал, ничего интересного. Вычищены. То ли наши, то ли немцы постарались.

Проснулся я от прикосновения к плечу. Меня Майский тормошил, который бодрствовал на часах. Разведка вернулась. Подсветив циферблат, я определил, что спал почти три часа. Столько же осталось до рассвета. Непозволительно долго, и слишком мало. В смысле долго разведка возилась и мало спал. Скрипнув петлями водительской дверцы, я выбрался наружу, застегнул ослабленный ремень и, дождавшись, когда Майский плеснёт на ладони водицы из фляжки, омылся, освежаясь и приходя в себя. Трудно было просыпаться, однако холодная вода помогла.

Благодаря тому, что я со своей мангруппой ушёл за зону поисков, сделав рывок за сто километров – это уже потом меня арестовали, – поиски велись достаточно далеко, и здесь было тихо. Да и из-за перехваченных сегодня колонн пока тревоги не подняли. Вполне возможно, о том, что они не прибыли в пункт назначения, уже известно, и машина поисков началась раскручиваться, но не думаю, что тела водителей и сопровождающих этих колонн найдут так быстро. Если только местные помогут. Пограничники оттаскивали тела подальше от опушки, и эту гору закидали ветками. Сгоревшую технику также хорошо спрятали. Так что места, где пропали колонны, хоть и можно будет обнаружить, обычным опросом свидетелей и постов, но это всё не быстрое дело. За это время мы будем ой как далеко. С другой стороны, пропажа генерала и чина, имевших при себе столь важные бумаги, всколыхнёт всех, и я так думаю, поиски будут вестись даже ночью, и наверняка ведутся. Надо снова эфир послушать. Прежде чем лечь спать, когда отправил разведчиков, я уже слушал, по разным каналам ходил, шифровки шли, но открытой речи по интересующей меня теме не было. Может, сейчас в эфире оживление будет? Тот же генерал Кротов должен был напасть на аэродром, если послушал, конечно, меня. Посмотрим.

– Докладывайте, – отряхивая руки и вытирая их поданным бойцом полотенцем, велел я разведчикам.

– Нашли, – первым нарушил тишину один из бойцов, второй немного смешался, этот побойчее будет. – Три самолёта. Два большие, трёхмоторные и один маленький, как те, что мы у немцев угнали. Палаток восемь, две из них наши, большие. Там технический персонал, наверное, спит. Их охраны четверо часовых, и две зенитки. Двустольные, мешками обложены. Автоматические. Со стороны дороги пост с пулемётом, ещё одна пулемётная позиция со стороны болота. Не знаю, почему там пулемёт поставили. Ещё провод с консервными банками натянули, мы чуть не наскочили на него.

– Ага, понятно, – задумчиво прокомментировал я. – С пяток техников, летуны и взвод охраны. Охрана не усиленная, штаб недалеко, а там немцев как грязи. Пулемёт со стороны болота – это понятно, скорее всего кто-то из окруженцев охрану напугал, сунувшись с той стороны, вот и организовали ещё одну точку обороны. Что по связи скажете?

– Две полёвки нашли, – кивнул тот же боец. – Над дорогой они на шестах подняты, видимо, чтобы танки не порвали, ещё у одной палатки антенна на шесте поднята, видимо радиостанция там.

– Ясно. Значит, так... – мельком глянув на часы, я приказал: – Через сорок минут режете обе полёвки. Ясно?

– Часы трофейные имеем, товарищ майор. Срежем, – подтвердил боец, сверив свои часы с моими.

– Отлично. Работаем.

Дальше бойцы снова скрылись в темноте, а я стал поднимать остальных, объявив побудку. У меня было несколько планов дальнейших действий, включая налёт на аэродром и под огнём

увести «юнкерс», однако с теми силами что у меня есть сейчас, это не удастся. Жаль, Михайлова мне до рассвета не дожидаться, тот бы смог помочь, но утро – это поздно, отправить самолёт с грузом нужно было до наступления рассвета. Придётся снова маскироваться под немцев и работать нахрапом. Наглость и везение наше всё.

Уже через полчаса наша колонна двинула дальше, и к моменту, когда должны были перерезать связь, мы подкатили к пулемётному гнезду на въезде на этот небольшой полевой аэродром. Правда, колонна была слегка сокращена, бронетранспортёр остался на дороге. Причём без охраны, только один боец сидел с наушниками на голове у радиостанции. Остальные бойцы были задействованы в деле. Я ехал на передовом мотоцикле с Минским, из-за того «ганомаг» и оставили, что я должен был изображать старшего, а они обычно на передовых машинах сидят. Да и планы были насчёт использования штатной бортовой радиостанции бронетранспортёра. В самом грузовике уже наши лётчики были, переодетые в немецкую форму и изображавшие конвой для трёх немецких офицеров.

Когда мы подъехали к посту, тут даже шлагбаум был, раскрашенный белыми и чёрными полосами. Педанты, однако, эти немцы: временная стоянка, но порядок во всём.

– Стой, – поднял руку старший поста в звании унтера.

Колонна, порывкая двигателем грузовика и звеня моторами мотоциклов, остановилась. Соскочив с заднего сиденья, а я сразу за Минским сидел, вскинул руку в нацистском приветствии – меня с двух фонариков освещали, да ещё фары мотоцикла давали подсветку, – представился:

– Фельдфебель Ланке, конвойная группа СД. У нас груз. Трое арестованных офицеров вермахта, их взяли на передаче информации русским. Слышали про налёт с полным уничтожением аэродрома и одного из штабов? Это результаты их предательства.

– Скоты, – скрипнув зубами, зло сказал унтер. – У меня в штабе брат погиб, в охране служил... Ладно, документы на перевоз преступников.

– Прошу.

Достав из планшета, тоже немецкого, нужные бумаги, передал их унтеру, а тот чуть позже спешившему к нам офицеру в звании обер-лейтенанта, видимо тот был дежурным на аэродроме. Сонный на вид тот был. Быстро изучив документы – ещё бы, их тот полковник немецкий писал, убедили сделать это, благо пустые бланки были среди бумаг, – офицер кивнул, всё в порядке. Приказ доставить предателей в Берлин за подписью начальника СД их армии. Ещё офицер попросил предъявить отличительный знак сотрудника СД, раз я команду конвоем, он должен быть, форма фельджандарма – это может быть часть прикрытия. Ничуть не чинясь, я предъявил жетон сотрудника СД, среди трофеев их три было. На этом всё, офицер кивнул и сообщил, что самолёт будет подготовлен за пять минут, сам самолёт готов, экипаж поднять нужно. Предупредив, что посадка будет проходить под нашим контролем, я выставлю бойцов в оцепление, получил заверения, что тот всё понимает. После этого нас пропустили на аэродром. Я в шоке, дежурный даже не позвонил в штаб армии, да и к рации не пошёл. Зря линии резали, и боец в бронетранспортёре сейчас частоты глушит, на которых работают радиостанции люфтваффе. Да, я понимаю, что не заглушит уходящий сигнал, мощности радиостанций разные, но заглушить приём подобием морзянки вполне в состоянии.

Сам офицер оседлал одиночку, что стоял у поста на въезде на аэродром, и возглавил колонну к одному из «юнкерсов». Перед этим по телефону с того же поста приказал поднимать экипаж дежурной машины. Именно поэтому, когда мы подъехали, от палаток, на ходу поправляя комбинезоны, уже потянулся экипаж этого воздушного судна. Что делать, бойцы знали прекрасно, я уже предупредил, что с охраной и пленными общаться запрещено. Следствие ещё идёт, утечка информации недопустима. Более того, с солдат поста, самого дежурного и экипажа «юнкерса» будет взята подписка о неразглашении. Стандартная процедура. Только ее будут проводить другие сотрудники, что подъедут утром, а с экипажем побеседуют уже в Берлине.

Тот это воспринял как должное, но я всё равно был настороже, проверил, как выставлена цепь, и, убедившись, что экипаж «юнкерса» уже внутри, готовит машину, подал сигнал, и водитель подошёл грузовик задом поближе ко входу в салон, дальше, покинув кузов, наши переодетые лётчики стали высаживать пленных и заводить их в салон самолёта. Пленные и рады бы крикнуть или как по-другому поднять тревогу, но тут и руки им связали сзади, и кляпы во рту. Да и мелькали они снаружи не так и долго. Что мог увидеть обер-лейтенант, что стоял рядом со мной у одного из мотоциклов? Только тени, света мало было. Причём я был напряжён куда сильнее его, ведь сейчас там в самолёте лётчики брали экипаж в плен, наставляя на них пистолеты, разоружая и связывая. Их подстраховывали Майский с напарником, они хорошо ножами умеют работать. Так что всё время, пока шла посадка, я был изрядно напряжён, не скажу, что на нервах, но ожидал, что вдруг что-то пойдёт не так. Но нет, вот из люка показались двое моих бойцов, одетых, как и все, в трофейную форму. Они махнули мне рукой, этот знак означал, что всё в норме, экипаж взят и связан. Изнутри люк закрыли, и грузовик, ревя мотором, отъехал, а самолёт, который стоял у деревьев, стал разгоняться для взлёта. Его морда уже была направлена на укатанную полосу. Через минуту он оторвался от взлётной площадки и, продолжая натужно гудеть, скрылся в темноте. Майор Тонин вполне неплохо знал эту машину, хотя и имел небольшой опыт управления ею, вот и сейчас он показал класс, совершенно спокойно взлетел и отправился на Большую землю. Мешки с их формой были при них, чтобы в полёте по очереди переодеться, не в немецкой же форме своих встречать после посадки. А дальше разберутся. Рапорт я с ними отправил, как и все ценные бумаги. К рассвету должны быть над нашими территориями. А дальше как повезёт, успеют до Москвы добраться или раньше перехватят.

Официально поблагодарив обер-лейтенанта за помощь СД, я приказал грузиться на технику, тот нас также сопровождал до выезда с территории этого аэродрома, и мы добрались до бронетранспортёра. Оба бойца, что должны были перерезать полёвки, уже были тут, так что, вернувшись в кабину «ганомага», я скомандовал продолжить движение. Сейчас надо убраться как можно дальше, потому как когда немцы узнают, как их кинули, визгу и поисков будет много. Тут я как раз на Михайлова и надеялся, с его ударами по тылам вермахта для отвлечения внимания от нас. Уже первый должен нанести, по моим прикидкам.

Разбудил меня шум, кто-то звонко ударил металлом по металлу. Дёрнувшись, я открыл слипающиеся ото сна глаза и первым делом посмотрел на часы, машинально подзаводя их. Шум шёл снаружи, а я спал в палатке, мы две затрофеили на сборном пункте советского вооружения, организованном немцами, в них охрана спала, вот хозяйственный Лосев и прибрал нужное имущество. В одной я лично расположился, в другой Бабочкин с Лосевым и Минским, остальные кто где. Уже под утром мы совершили рывок от аэродрома в пятьдесят километров, после чего загнали технику на опушку достаточно крупного лесного массива и вот, замаскировав лагерь, поставили палатки и выставили часовых и отсыпались. Время побудки я назначил на одиннадцать часов, за час до этого должен был встать Лосев, чтобы приготовить на всех завтрак. Благо десятилитровый котёл мы позаимствовали у тех же немцев, стоявших на охране сборочного пункта трофейного вооружения. Супчику хотелось, а от ручья, где можно набрать воду, до нашей стоянки было метров триста. Видимо, Лосев металлом и звенел, тем более я расслышал, как тот матюгнулся.

По времени было без двадцати одиннадцать утра. Спал шесть часов, но в принципе хватило, чтобы нормально выспаться, отдохнуть. Потянувшись, я выбрался наружу и босиком, сапоги в палатке остались, прошёлся до ближайших кустов и окропил их. Потом пробежался, сильно задирая колени – лёгкая разминка у меня такая, и, упав на траву, стал делать отжимания, а потом и другие приёмы, чтобы прийти в себя. Лосев уже стоял наготове с ковшиком,

полным воды, и полотенцем на сгибе локтя. Стоял я в одних галифе и нательной рубашке. Умывшись и приведя себя в порядок, я осмотрелся и уточнил:

– Как там с ручьём, глубина подходящая?

– Так точно, товарищ майор, я сам поплескаться успел.

– Отлично, поднимай бойцов и отправляй следом за мной. Не жмись, выдай им мыло, пусть себя в порядок приведут и трофейную форму от пыли почистят, щётки вроде тоже есть. Потом и позавтракаем.

– Сделаем, товарищ командир, – кивнул тот.

– Вот что, я решил назначить тебя на должность ротного старшины, так что как выйдем к своим, получишь по четыре треугольника в петлицы. Имей это в виду.

– Есть, – козырнул тот, поставив перед этим ковшик на капот бронетранспортёра. – Спасибо, товарищ майор.

Потом он стал поднимать остальных, появился шум множества людей, голоса и остальное, а я, подхватив МП, так же босиком направился к речушке, когда меня окликнул Лосев:

– Товарищ майор, мыло и полотенце забыли.

Подбежав, тот передал мне указанное и отправился обратно, на нём ещё готовка, котёл ароматно булькал на костре, ну а я, закинув полотенце на плечо, направился было дальше, как вдруг от неожиданности подскочил, когда из кустарника, шурша листвой, ко мне влезло чудо-юдо.

– Стой! – направив на него ствол автомата, приказал я, укрываясь за ближайшим деревом. – Кто такой?!

Мой крик всполошил всех в лагере, часовой повернул в нашу сторону ствол пулемёта, остальные тоже схватили оружие, и ко мне рванула тревожная группа из трёх бойцов во главе с Минским. Ну, а то чудо-юдо, что шуршало в кустарнике, превратилось в мужчину в форме политработника, а точнее – политрука. На это указывали по три кубаря в петлицах и золотые звёзды, нашитые на рукавах. Причём, судя по шуршанию, в кустарнике ещё кто-то оставался.

– Извините, я слышал, как вас окликнул тот боец красноармейской форме, вы действительно имеете звание майора РККА? – уточнил тот.

– Танкист, – кивнул я, с заметным скепсисом разглядывая политрука. Какой-то вид у него бы не армейский. Как будто на гражданского надели военную форму. Кстати, а кобура, явно не пустая, у него всё же была открыта. – Вы кто такой, представьтесь, как положено. И кто ещё там у вас в кустах прячется?

Подбежавшим бойцам я велел проверить кустарник, и они вытащили из него точно такого же политрука, но уже с круглыми очками на носу. Наган у того забрали. Так что передо мной стояло два политработника, которые по очереди и представились. Оказалось, те были военными корреспондентами «Комсомольской правды», возвращались на редакционной машине с набранным материалом, и машина сломалась. Пока чинились, оказались в окружении. Сидели почти неделю в этом лесу, пока водитель чинил машину, он запчастей искал на дорогах и снимал с разбитых или брошенных машин. Смелый парень. Когда закончили ремонт, дёрнулись в разные стороны, везде немцы. Решили переждать, три дня на опушке сидели, а тут мы. Они уже собирались, бросив машину, пешком уходить, тем более еды не осталось, ещё вчера последние крохи доели, но вот встретились с нами.

– Понятно, – выслушав их доклад, кивнул я. – Пока останетесь с нами, у нас диверсионный отряд, при возможности отправим вас к нашим. Сейчас отправляйтесь за водителем и присоединяйтесь к нам. Как будет готов завтрак, поедим и двинем дальше. У нас большие планы, и времени задерживаться лишней час нет.

Приказав Минскому, как прибудет водитель, ещё раз всех троих опросить, ну и документы проверить, я отправился дальше к ручью, где чуть позже появились бойцы. Причём один стоял на часах, охраняя нас. Водичка была прохладной, хорошо бодрила, набрызгавшись,

я намылился и продолжил водные процедуры. После чего воспользовался полотенцем, к этому моменту Бабочкин закончил чистить мою форму фельдфебеля, поэтому я оделся, ремни и начищенные сапоги тот тоже принёс. Так что в лагерь вернулся я в полной форме фельдждан-дарма, с бляхой на груди. Только каска осталась висеть на спинке сиденья бронетранспортёра.

Оба корреспондента даже не дёрнулись, когда я появился, уже видели, что бойцы ходят в трофейной форме, да и о том, что мы диверсанты, они в курсе, я им сам сказал. Кроме них был ещё молодой белобрысый парень в форме красноармейца с карабином руках, водитель служебной машины редакции. Они сидели на траве неподалёку от грузовика и встали, когда я подошёл ближе.

– Закончил? – уточнил я у Минского.

Тот кивнул. Мы отошли в сторону, и тот доложил по этой тройке. Похоже, действительно нам повезло встретиться с настоящими военными корреспондентами. Те прожили в лесу больше недели, а так никого и не встретили, ни немцев, ни окруженцев. Точнее, издали видели, но не встречались. В общем, норма, можно будет забрать с собой, не бросать же их. Полторка их редакционная мне была не нужна, внимание привлекать будет, да и топлива в баке мало, у нас, конечно, есть в канистрах, но я не хотел рисковать. Так что велел подобрать водителю трофейную форму, научить её носить, и решил посадить его за руль бронетранспортёра, а то не дело: командир группы – и сам шоферит. Минский перепоручил это одному из своих бойцов, те уже возвращались с речки, и сам двинул, он ещё умыться не успел.

Завтрак оказался чудо как хорош, Лосев снова превзошёл себя в искусстве приготовления пищи. Вон, корреспонденты и их водитель так наворачивали похлёбку, причём вприкуску с трофейными галетами, что за ушами трещало. Выдавать им посуду и ложки не требовалось, своё имели, советские круглые котелки без крышек. Под конец, когда мы уже чай из кружек пили – всё трофеи, – один из бойцов, не удержавшись, задал волнующий его вопрос корреспонденту. Тот, что вышел ко мне, был Зиновьевым, а второй, с очками, Потаповым. Кстати, открыв клапан нагрудного кармана, я достал чехол, из него извлёк круглые очки и надел их. Это был трофей с того полковника-штабиста. Я сам сперва не понял, в чём фишка с ними. А оказалось, стёкла в очках были с простыми линзами. Очень удобно. Если человек курит, то, чтобы выдержать паузу, например, для обдумывания, он хлопает рассеянно по карманам, достаёт пачку и прикуривает. Этого обычно хватает подумать, а что делать тем, кто не курит, как я, а такая пауза необходима? Идут на хитрость, носят такие простые очки и протирают линзы, беря эту самую паузу. Если что, платок у меня в кармане лежал, а я понял по вопросу бойца, что и ко мне обратятся, так что взять паузу мне тоже будет необходимо. Именно поэтому я, когда изучал трофеи, снятые с полковника, рассматривал очки и сообразил, что у них за линзы, оставил себе. Полковник обойдётся, ему больше они не нужны, а мне могут пригодиться, вот как сейчас. Тем более внешность человека в таких очках изменяется, он становится менее воинственным, что ли? Очкариков не опасаются.

Мы собрались, погрузились и покинули опушку, выехали на полевую дорогу. Очки, что так и не понадобились, я аккуратно убрал в чехол, а тот в карман. Ещё пригодятся.

Поначалу новый водитель, его звали Иваном, неуверенно вёл машину, а потом ничего, я дал на ходу несколько подсказок, и тот освоился. Поглядывая на карту, я крутил головой, изучая окрестности. Вот и река, вот нужный нам мост, сейчас переедем и через сорок километров соединимся с мангруппой.

– Товарищ майор, – привлёк к себе внимание водитель. – Мост сожжён. Недавно, дымится ещё. И передовой дозор остановился на обочине.

– Остановись за ним, – приказал я. – Двигатель не глуши.

Как только бронетранспортёр замер, я откинул бронешитки и осмотрелся. Мне не нравился этот сожжённый мост. Немцам его жечь нет никакого смысла, а вот для каких-нибудь окруженцев или сброшенных парашютистов, у которых стоит задача замедлить продвижение

противника любыми путями, этот мостик вполне лакомая добыча. Хотя речка тут и не широкая, метров пятьдесят, но берега топкие, сам мост деревянный и двухпролётный. Плеснул бензину, а дальше огонь всё доделает. Я так прикинул, утром подожгли, на рассвете. К обеду и сгорело как раз всё, мы уже к углям подъехали. Не думаю, что эти диверсанты хреновы ещё тут, кто же будет ждать ответки, но рисковать выходить наружу я не стал, лишь приказал пулемётчику, в этот раз был один из бойцов Минского, усилить бдительность, а сам стал изучать карту. Есть ли тут ещё какой мост или брод.

Минский остановил мотоцикл за двести метров до моста. Это он правильно поступил, так и нужно. Изучив угли в бинокль, тот слез с седла и направился к нам, я опустил бронешторку сбоку, и подошедший старший сержант сообщил:

– Похоже, наши поработали. Там охрана была. Побитая на берегу лежит, я два тела рассмотрел в немецкой форме. Без сапог.

– Окруженцы, – согласно кивнул я на намёк. – Наверняка уже далеко... У нас тут интересов нет, разворачиваемся. Тут в восемнадцати километрах брод на карте указан, проходимый для техники, направляемся туда. Смотри, каким путём пойдём.

– Ага, – взяв карту, Минский стал изучать её, не особо обращая внимания на обозначения, не разбираясь в них, но всё же поинтересовался, что это за знак на броде.

– Пост фельджандармов, – нехотя поморщился я. – Наверняка укреплённый. Но без этого брода нам не обойтись, иначе не успеем к месту встречи. Ничего, время есть до брода, чего-нибудь придумаю, чтобы или спокойно проехать, как свои, или использовать силу. Пока ничего по этому поводу не скажу. Я даже не знаю, какими силами те там располагают. Пулемётное гнездо, во всяком случае, точно должно быть. Это тут на посту простые зольдатики стояли, они бы и пикнуть не посмели грозному фельдфебелю в моём лице, а с «коллегами» такое не пройдёт. Думать надо. Ладно, разворачиваемся и двигаемся до ближайшего перекрёстка, там уходим направо.

Сержант убежал к своему транспортному средству, и мы, развернувшись, попылили – действительно было много пыли, особенно от бронетранспортёра – обратно к перекрёстку. Когда мы повернули, меня потряс за плечо подсевший ближе Лосев. Общаться можно только крича в ухо, так ревел двигателем и лязгал на ходу «ганомаг». Лосев, приблизившись к моему уху и время от времени щекоча усами, сообщил:

– Командир, продовольствие есть, но немецкое всё, как сухпай. Консервы ещё остались для похлёбок, концентраты для горохового супа, но нужны овощи, лук или та же картошка. Может, в деревню какую завернём? Купить есть на что.

– Не купить! – прокричал я в ответ. – Немцы только забирают и не платят. Идея мне нравится. Самому эти консервы надоели, а суп сегодня утром у тебя чудо как был хорош.

– С овощами было бы лучше.

– Это точно. Сейчас чего-нибудь придумаю.

Снова достав карту, я стал задумчиво изучать её, изредка поглядывая по сторонам. Впереди показалась небольшая автоколонна немцев, видно, что транспортная, но мы спокойно её пропустили, она нас пока не интересовала. Да и дороги тут не особо были загружены, это всего девятая колонна, не считая одиночек, что нам встретилась с момента, как мы покинули лагерь. Бойцы Минского со мной были третий день, а уже вполне начали осваиваться. Нагло катили по дороге, и если им приветливо сигналили встречные машины, отвечали, так же махая руками и сигналив в ответ. Молодцы, я объяснил им, что такое основы маскировки. Не нужно дёргаться от любого шороха, пусть противник дёргается, это наша земля.

Закончив обдумывать разные варианты, я приказал Ивану:

– Посигналь нашим и вставай. Нужно поговорить.

– Хорошо, – кивнул тот.

Иван привлёк внимание наших и остановился на обочине, заглушив хорошо потрудившийся мотор. Пока водители осматривали свои машины, где нужно подтягивая, если требовалось, дозаправляли из канистр, у нас оставалось топлива ещё примерно на сто километров, я собрал вокруг себя всех, кто с нами был, включая политруков. Можно было, вокруг никого, чистое поле.

– Товарищи командиры и бойцы, мной было принято решение посетить одну из небольших деревень. В село соваться не будем. Там наверняка уже комендатура имеется, можем привлечь внимание, а вот в деревнях вряд ли встретим немцев. Да даже если встретим, не страшно. В общем, наша задача – добыть продовольствия и загрузить его в грузовик. Будем брать по максимуму.

– Скажем, что мы свои, русские? – оживился Зиновьев.

– О нет, будем изображать немцев, поэтому вы двое, с теми бойцами, что в красноармейской форме, спрячетесь в десантном отсеке бронетранспортёра. Каски немецкие наденете, будет изображать десант, только сидите спокойно. Это позволит без проблем погрузить в грузовик всё необходимое. Повару в группе Михайлова овощи тоже понадобятся, но и мы будем использовать добытое. Хочу дополнительно сообщить, что в деревнях наподобие той, куда мы заедем, немцы ставят своих людей. Не показывать вида, что вы ими недовольны, и не смотреть с ненавистью. Играйте типичных немцев, что не понимают местных, я буду и за старшего, и за поминающего русский язык. Такие старосты, ставленники немцев, собирают отряды самообороны из отщепенцев. В деревне, вроде той, куда мы заедем, на двадцать домов, таких может быть четверо-пятеро. Не хотелось бы повторять. Мы немцы, приехали, забрали, точнее реквизировали продовольствие и уехали. Возможно, староста со своими помощниками захватили кого из окруженцев. Это обычное сейчас дело, вы должны с шутками и прибаутками, на немецком или чем-то похожем на него, забрать пленных, которых нам передадут как представителям новой власти, и погрузить в машину с продовольствием. Потом уедем. Это всё, что мы сделаем. Информация о нас не должна разойтись. Если кто нарушит мой приказ и сорвёт маскировку, я лично расстреляю по законам военного времени. Усвоили?

– Так точно, товарищ майор, – вздохнул Минский. – Постараемся с ребятами выдержать.

– Кстати, товарищ майор, а к чему эти «так точно» и «никак нет»? Не кажется, что это по-старорежимному? – влез с вопросом Потапов.

– Генерал армии Жуков предложил товарищу Сталину вернуть в армию погоны и офицерские традиции, называть командиров офицерами, а бойцов солдатами. Товарищ Сталин обещал подумать, отложив эту докладную записку Жукова, но не отказался. Так что думаю, когда пойдут победы, это всё вернут, включая погоны. Не скоро, но введут. А то, что сейчас используем по моему приказу, это просто удобно. Надоели мне эти нейтральные «да» или «нет». Ладно, давайте распишем, кто чем занимается, когда мы заедем в деревню. Значит, действовать будем так...

То, как деревня рада новой власти, мы увидели на въезде. Я заметил, как напрягся Иван за рулём бронетранспортёра, увидев красный транспарант на въезде и повешенного мужчину в форме командира РККА. Давно висит, пара деревенских мальчишек вороньё от него гоняют длинными хворостинами, мухи там летали. Видимо, староста запрещал снимать это свидетельство их лояльности к новой власти.

– Как же так, товарищ майор? – растерялся Иван.

– Ничего, боец, только злее будем. Вернёмся, со всеми поквитаемся. Ты внимательно смотри, запоминай, вернёмся, будем давить этих тварей.

– Запомню, – сказал тот и, как будто давая себе клятву, повторил: – Не забуду.

У въезда, где был транспарант, стоял невысокий мужичок лет пятидесяти в комсоставских сапогах, обычных деревенских штанах, гимнастёрке и засаленной кепке на голове, кото-

рая, казалось, приклеилась к темечку. На плече на ремне висела винтовка, были подсумки для боепитания – тот самый боец самообороны, про которых я говорил. Быстро тут немцы развернулись, наwerbовав помощников. Наше появление заметили, это было видно, один из мальчишек рванул куда-то в деревню, явно предупреждать старших о появлении хозяев. Деревня находилась на берегу той самой речки, которую мы не смогли пересечь из-за сожжённого моста. Находилась она в стороне от основных дорог, потому я и надеялся не встретить тут «коллег» из вермахта, и похоже, мои предположения подтвердились. Если бы тут были немцы, мы бы это заметили. Кстати, а на транспаранте было написано, со всеми знаками препинания: «*Освободителям слава!*» Причём на немецком языке, видимо полиглот в деревеньке имелся. Фигово.

Проехав мимо попытавшегося вытянуться полиция – получилось у того это смешно, карикатурно, – мы попылили по единственной улице ближе к пристани, где стоял каменный дом, по виду ранее это была лавка, потом здание сельсовета, а сейчас управа старосты. Именно там и висел флаг новой власти, и из него выходили к нам как староста с повязкой на рукаве, так и его помощники. Их оказалось несколько больше, чем я предполагал, почти десяток. Причём двое в форме красноармейцев со споротыми знаками различия, судя по выправке и тому, как держали оружие, не ряженые, а действительно перешедшие на другую сторону предатели. Все вооружены винтовками, лишь у старосты висела на животе кобура, причём немецкая, явно с «парабеллумом» внутри. Пулемётов, ничего подобного не было.

– Не останавливайся, – быстро скомандовал я Ивану, лишь мельком посмотрев на встречающих. – Давай к тому амбару на берегу реки.

То, что заставило меня так возбудиться, стояло у амбара в такой родной зелёной окраске 4БО. Это был трёхглавый дракон, «Т-28». Неплохой танк, я бы даже сказал отличный, но со своей спецификой применения. Против пехоты он просто великолепен, но если у противника имеются противотанковые пушки и уж тем более танки, то это гроб для экипажа. Только вот я и не собираюсь применять подобную технику на передовой. Наша война в тылу, где встретить танк или пушку очень большая редкость, а вот автоколонны или пеших солдат вермахта куда проще и легче. Да в принципе и против танков он хорош, особенно если из засады. Интересно, откуда у местных этот танк и на ходу ли он?

Мои действия, конечно, удивили Минского, который было остановился у встречающих, если бы те заранее знали, что мы приедем, уверен, что хлебом-солью бы встречали, но ничуть не смутившись, дождался, когда колонна проедет мимо, и пристроился в конце. Местные тоже заторопились к амбару, да тут и недалеко было, метров сто. На их мнение насчёт наших поступков мне ещё сильнее наплевать было, мы тут хозяева, пусть и играем их, что хотим, то и творим. Захотим, перестреляем всех тут к чёрту. Я хоть и не Иван, но и на меня произвёл гнетущее впечатление тот повешенный на въезде. Я уже решил, что можно и наплевать на маскировку, постреляем всех к чёрту и рванём дальше. Против этого было две причины. Тот брод, к которому мы ехали, находился чуть дальше по реке, в двух километрах. Могут услышать. Ну, и то, что можем спалиться, пойдёт информация по всем сёлам и деревням, что, мол, такая-то группа находится в розыске, требуется сообщать, где и что. Однако главная причина в том, что когда мы соединимся с Михайловым, то направимся к одному объекту не так и далеко отсюда, и не хотелось бы поднять панику, а то могут и ужесточить охрану. В общем, в ближайшие часы стоит вести себя тише воды ниже травы. На кону успех всей операции. А наша цель – это штаб группы армий «Центр». Да-да, именно этот штаб наша цель, и пока сведения по нему свежи, стоит ударить по сердцу этой гидры под названием вермахт. Эх, попробовать бы перехватить новых фельджандармов, хотя бы обновить информацию по тому же штабу. Надо подумать, ближайший пост на броне, может, что и получится, тем более теперь даже танк есть, если он на ходу, конечно. Оставлять его тут я не планировал. Прихватим. Сделаем вид, что трофей. Пара бойцов в трофейной форме поедут на броне, чтобы все видели это.

Ха, танк ещё не мой, а я уже планы строю. Да и непонятно, как у него с топливом, боеприпасами, на ходу ли он? Действительно, в каком состоянии? Много вопросов, но пока нет ответов. Пока мы, неторопливо покачиваясь, катили к амбару, я повернулся и, придирчиво осмотрев десантный отсек, указал Лосеву на свой сидор.

– Достань ключ.

О чём я говорю, тот прекрасно понял и, кивнув, стал развязывать горловину. Дело в том, что башенные люки у танков запирались, можно изнутри, можно снаружи с помощью такого вот танкового ключа. Они универсальны, подходят к любому танковому люку, и я специально держал один такой при себе. У танка, что стоял у амбара, все люки были закрыты. Понятно, что если закрыли, то есть чем открыть, но воспользуемся своим. Пока Лосев возился, я ещё раз мельком осмотрел танк. Ну да, командирский, поручни-антенны вокруг башни на это ясно указывали. Однако то, что я засёк ещё на подъезде к управе, и заставило меня пускать слюнки по этому танку. Длинный ствол ЗИС-2, торчащий из главной башни, явно намекал, что машина экспериментальная, и вполне возможно, усовершенствованная. Эти пушки ставили также и на «тридцатьчетвёрки». К сожалению, у нас таких не было, и, несмотря на вроде как небольшой калибр, пятьдесят семь миллиметров, машины с такими пушками считались истребителями танков. Бронепробиваемость куда больше по сравнению даже со штатными пушками «тридцатьчетвёрок». Если я и преувеличиваю, то не сильно. Вот орудие такое, жаль в серию не пошло. То есть не давали нормально запустить эти пушки.

Когда мы остановились метрах в десяти от амбара, я не спешил выбираться, сейчас работа парней, как и договаривались заранее. Так вот, трое покинули кузов грузовика, остальные – сёдла мотоциклов, ну кроме пулемётчиков, и разбежались, беря территорию под контроль, двое, подбежав к и так полуоткрытым дверям амбара, с ходу, как будто всю жизнь тренировались этому, одновременно ударили ногами по створкам, заставив их распахнуться, хотя щель, чтобы войти, и так была достаточная, и забежали внутрь. Чуть позже те вывели двоих, по виду один конюх, в руках тот держал ремонтируемую упряжь, второй была или дочь, или внучка лет десяти. Думаю, последнее.

Только после того как бойцы убедились, что вокруг безопасно, подскочивший Минский, угодливо изогнувшись, открыл дверь, помогая мне выбраться. Мы это на дороге раза три репетировали, пока у того не начало получаться. Выбравшись, я внимательно и грозно осмотрелся и передал сержанту ключ, махнув в сторону танка, чтобы проверили и взяли его под охрану. Подошедшие местные, включая старосту, сразу раскланялись. Невысокий парнишка в очках, лет пятнадцати, на откровенно плохом немецком пытался переводить то, что говорил староста, но я остановил его, сообщив:

– Не нужно, я карашё говорю по-рюски.

Лёгкий акцент я всё же оставил, главное, чтобы понимали. Этот переводчик малолетний заставил изрядно напрячься, теперь парням нельзя выкрикивать на чём-то похожем на немецкий, этот очкарик может это и понять. Пока сержант и двое бойцов осматривали танк, открыв верхний люк, – один спустился внутрь, – заложив руки за спину, я прошёлся немного вперёд, из-за чего староста вынужден был последовать рядом. Специально так сделал, чтобы тот чувствовал себя в роли просителя или подчинённого.

– Фельдфебель Ланке, дорожная охрана. У нас приказ обереста Шмультке собрать продовольствие. Прикажите своим людям погрузить в нашу машину свежие овощи и флягу со свежим молоком. Ещё штук пять мешков с мукой. Бумагу мы вам выдадим. Нужно шесть мешков картошки, капусты, моркови, лука, чеснока и остального.

Староста отвлёкся, быстро отдал распоряжения своим, чтобы доставили к нашему грузовику всё, что я перечислил, видимо резерв нужного у них имелся, раз тот сразу и охотно стал выполнять распоряжения, что не могло не радовать. Более того, приказал добавить свежего

сала – недавно хрюшку забили. Хм, неплохо, молодец, любит новую власть, это хорошо. Да и фляги с молоком приказал доставить две, а не одну. Вернувшись, сразу же сообщил:

– Всё будет сделано, господин фельдфебель. Недавно мы уже отправляли продовольствие в Антиповку, в комендатуру. Туда же свезли и всех русских бандитов, что пробирались к своим.

– Всех?

– Именно всех. К сожалению, больше не попадалось.

– А тот, что висит на въезде?

– О, это фанатик, отстреливался до последнего патрона, потом застрелился. Мы его решили повестить в назидание, так сказать.

– Мне всё ясно. Мне не нравится, что вы так поступили, снимите его и похороните, он достоин этого, если сам не сдался... – пройдясь ещё немного, я остановился у танка и поинтересовался: – Откуда у вас этот танк? Унтерменшам запрещено владеть бронетехникой.

– Простите, кому?

– Неполноценным людям, славяне все неполноценные и годятся только на роль рабов и прислуги. Вам запрещено владеть танками, откуда он у вас?

– О, это интересная история, господин фельдфебель. Когда из Минска эвакуировались разные предприятия и заводы, то в одной из колонн был этот танк. Там что-то случилось, и он встал, водитель, который один был в танке, занимался ремонтом, вот когда он закончил, мои парни и захватили его. Водителя там и прикопали, а один из наших, раньше на тракторах работал, пригнал танк сюда. Сначала мы его в амбаре прятали, а сейчас выгнали. К сожалению, пулемётов у него не было, как и снарядов. Пустой. Мы его не применяли. Помыли, чтобы передать доблестной непобедимой Германской армии с лучшими пожеланиями.

– Это хорошо, мы его заберём, – задумчиво кивнул я.

То, что танк разоружён, я и так видел, пулемётные башни пусты были, снято всё, кроме пушки, лишь подобие пробок было вставлено. Видимо, чтобы на ходу через проёмы не попала внутрь пыль. Танк блестел свежей краской и явно в боях не принимал участия, никаких следов не было. Я больше скажу, похоже, танк проходил модернизацию на одном из заводов в Минске, однако дополнительного экранирования не имелось, двигатель был тот же, авиационный танкового типа М-17Т. Вполне неплохой по части скорости при движении, и доработанный. Все детские болезни уже убраны. Правда, горят они в случае подбития ещё как, но что есть, то есть.

– Господин фельдфебель, сейчас всё доставят, не согласитесь ли вы пополдничают с нами? Стол уже накрыт, – угодливо изогнувшись, явно копируя движения Минского, когда тот мне двери открывал, пригласил староста. Такие же угодливые выражения были и на лицах его людей. Смотреть противно.

Мельком глянув на часы, я лишь покачал отрицательно головой, мол, и рад бы, да времени нет. Рисковать принимать приглашение я не хотел, мало ли на чём засыплюсь, да и задерживаться в этой деревне не хотелось. Чем дальше, тем сильнее хотелось перебить тут всех. Тем более, вон, подъехало две телеги, нагруженных мешками, и полицаи стали под присмотром моих бойцов загружать продукты. Отдельно принесли корзины со свежим хлебом, разным свежим продовольствием, включая копчёности и пару пирогов, ну и две фляги с молоком. Откуда молоко, я даже спрашивать не стал, в стороне на окраине находился коровник, оттуда, вестимо. Вот так, пока мы общались, один из красноармейцев, Берёзов, ходил с фотоаппаратом в руках – это Потапова, – а оба корреспондента, поглядывая, что происходит вокруг, через бойницы, записывали, как предатели встречали немцев. Именно поэтому Берёзов и делал фотографии, он один посещал в юности фотокружок и умел пользоваться «лейкой», а политрукам были нужны фото. Так что отличный кадр получился, когда староста угодливо изогнулся, да и остальные предатели в кадры попали. Правда, Потапов слёзно просил делать только лучшие кадры. Всего

пять снимков было выделено на это, плёнки было очень мало. Да и я тоже с бойцом побеседовал, когда Потапов закончил инструктаж проводить, приказав делать снимки со мной в кадре, только если я стою спиной к ним. Не хочу светить своё лицо. Боец выполнял мой приказ на все сто, молодец.

Под конец, когда я уточнял по поводу топлива к танку – было половина баков, то староста всё же решился уточнить, что я имел в виду насчёт унтерменшей и что вообще это значит. Вот и пояснил, что в планах у «нас» уничтожить девяносто процентов населения Союза, остальные пойдут к нам в прислугу. Потрепав старосту по щеке, я «успокоил» его, мол, мне его хозяйственность понравилась, вполне возможно, возьму его к себе в поместье помощником управляющего, будет за рабами следить. Также велел подготовить списки всех деревенских, которых нужно будет уничтожить в первую очередь, и отправить их в комендатуру. Там посмотрят и выберут, кого первым отправить на удобрения. Ликвидировать большую часть населения будут такие вот отряды самообороны, мы, мол, руки брезгуем марать.

Старосту так перекосило, когда он слушал меня, я ещё высокомерно на него поглядывал, хотя тот был на голову выше меня ростом, но я с мог сделать так, что поглядывал на него свысока. Умею это делать. Правда, сам староста никак особо не показал, как его шокировали мои откровения, однако ясно, что сдавать назад ему поздно, слишком глубоко увяз в помощи новой власти, поэтому пообещал похлопотать, чтобы его тоже на удобрение не пустили. Я же надел на нос очки и, достав блокнот, прошёл к кузову, где нудно и тщательно записал всё, что нам выдали. Даже три бутылки с самогоном в одной из корзин, после чего на всё это выдал бумагу старосте. Про ключ к танку, что был у них, тоже не забыл. Да и всё, что сняли с того танкиста. Мне вернули комбинезон, шлемофон находился и так внутри машины.

Только после этого объявил всем, что благодарю старосту и его людей за помощь представителям новой власти, и направился к танку, известив всех зрителей, что давно мечтал поуправлять такой техникой. Устроившись на месте механика-водителя, положил рядом автомат, который постоянно носил на плече, надел шлемофон, он висел на спинке сиденья и, видимо, был единственным, больше не имелось, после чего провел некоторые манипуляции и запустил двигатель. Погоняв его на разных оборотах, работал тот как часики, сдвинул танк с места и направился следом за мотоциклом Минского к выезду из деревни. Остальные двинули за мной. На выезде колонна встала, Берёзов сделал снимок с повешенным командиром, чтобы лицо попало в кадр, с полицаем на заднем фоне, тот всё тянулся, лучась радостью. Урод.

Вот так отъехав от деревни подальше и уйдя за небольшую рощу, я остановил танк и, заглушив двигатель, выбрался наружу. Минуту я просто не мог говорить нормально, а изъяснялся одним только матом. Подошедшие к нам бойцы, включая обоих политруков, внимали мне со всем восхищением, похоже, я смог поразить их познаниями в разнообразии русского мата. Да и сами тоже чувствовали в душе то же, что и я.

– На руки полей, – хмуро велел я бойцу, что сидел на броне танка, наконец, выпустив словесный пар, добавил: – После общения с это падалью помыться хочется.

– Да-а, командир, никак не могу поверить, как вы смогли выдержать, – сбив кепи на затылок, сообщил Минский. – Играли так, что даже я поверил, что вы настоящий немец, а уж когда этого предателя по щеке потрепали, отчего тот умилился, так вообще...

Отфыркиваясь, я умылся и, взяв поданное Лосевым полотенце, вытерся, после чего вернул полотенце и сказал:

– Вы тоже молодцы, пара огрехов в поведении были, но к счастью, это не привлекло внимания местных. Ладно, полчаса в деревне потеряли, нужно навёрстывать упущенное время. До брода меньше километра, сейчас выедем из рощи и покажемся на виду. Спокойно едем к броду, пересекаем его. Если попробуют остановить, там по ситуации. Переговоры буду вести я. Отслеживать все мои движения, если подам знак, значит, берём пост, если всё нормально будет – проезжаем и двигаемся дальше. В общем, всё как обычно, уже несколько раз оговаривали.

– Товарищ майор, – подбежал Бабочкин, он ходил ближе к роще и осматривался в бинокль. – Там наш танк брошенный стоит. Глянуть?

Тут тоже была такая тема, когда мы остановились тут, я велел посматривать по сторонам, выглядывать наши брошенные танки. Была надежда собрать хотя бы часть вооружения, сняв ДТ с других танков. Хотя бы чтобы пулемёты были. А то ведь совсем голый. Найти снаряды к этой редкой пушке я совсем уж не надеялся. И вот мой боец усмотрел-таки первую брошенную машину. Уточнил, что за танк, это оказался «двадцать шестой», я отдал несколько приказов:

– Значит, так, колонной мы выезжаем из-за рощи и сворачиваем на перекрёстке к броду, там колонна встаёт, все делают вид, что встали для естественных нужд, а я на танке с бойцами, что едут на броне, скатаюсь к брошенной бронемашине, лично осматрю её. Всем всё ясно? Тогда по машинам.

Так мы и сделали, двинули дальше и, повернув на перекрёстке, вскоре встали. Точнее, колонна встала, а я, вырвав в поле, покачиваясь на неровностях луга, покатил к танку Т-26.

В этот раз шлемофон я не надевал, в каске сидел, выглядывая из люка. Остановив технику у брошенной бронемшины, пока бойцы заглядывали в открытые люки, спокойно выбрался на броню и, поставив одну ногу на левую пулемётную башню, стал изучать брод. О, так там ещё три наших танка брошено, у двух только башни торчат из воды, третий наполовину на берегу находился. Два Т-26 и один был вроде БТ-5 точно не скажу. Он кормой ко мне был, а башню из-за сильного наклона не видно, чтобы определиться точнее. Вот немцы на броде были, я отметил, что сам стал предметом такого изучения, фельдфебель рассматривал меня в бинокль, встав у пулемётного гнезда. Я больше скажу. Там были позиции двух противотанковых пушек. Правда, стояли там простые армейцы, а не наши «коллеги» фельджандармы. Уже проще будет. Пусть армейцев целый взвод, видимо брод немцам важен, но теперь с новыми обстоятельствами можно планировать дальнейшие наши шаги.

В танке пулемёта не оказалось, нашли только шестнадцать пустых дисков к нему. Тут или сами танкисты сняли, по виду танк хоть и побывал в бою, стреляных гильз на днище много, но не подбит, экипаж бросил, или трофейщики поработали. Диски я всё же приказал собрать и, вернувшись внутрь танка, принимал подаваемые мне через люк стрелка левой пулемётной башни тяжёлые круглые диски, укладывал их на полки боеукладки этой башни. Нормально сложил. Кстати, у нас в кузове грузовика початый ящик с двумя цинками патронов, можно будет снарядить часть дисков на будущее. Надо, а у нас есть.

Вернувшись на дорогу, мы так в составе колонны и двинули дальше. На три брошенных танка я посмотрел с интересом, но не более, видно, что и тут пулемёты сняты, всё же вблизи у довольно активно эксплуатируемой дороги находились, вот и сняли. Технику нужно искать подальше от действий трофейщиков, может и найду пулемёты, а то и снаряды. Я помню, что с два десятка танковых пулемётов отправил Михайлову, может и мне что останется, когда соединимся. А может, и нет, тут поди угадай. В общем, нужно использовать любую возможность для усиления вооружения танка, точнее его восстановления.

Немцы останавливать нас не стали, проводили любопытными взглядами, что-то весело крикнули парням, что на броне сидели, я не расслышал из-за рёва мотора, что именно, те, похоже, тоже, однако преодолев брод и поднявшись по более высокому склону другого берега, мы направились дальше. Я даже вздохнул с некоторым облегчением. Чуть позже мы свернули на малоезженую полевую дорогу, что вела к одной из деревенок, и покатали по ней. Вскоре один из бойцов постучал по броне прикладом, и я остановился.

– Там в кустах танк стоит, – сообщил тот, указывая рукой на что-то массивное за кустарником, росшим с правой стороны дороги, где была река. До неё тут с пару километров было.

Остановив бронемашину, колонна тоже встала, я велел обоим бойцам сбегать, посмотреть, что там. Только осторожно, мало ли засада, какие дикие окруженцы работают. Оказалось, машина была брошенная, сломана, капоты открыты, да и не танк это был, а Ба-10, оставлен-

ный своим же экипажем. Трофейщиков тут не было, и наконец у нас появился свой пулемёт. Один был явно снят экипажем, а тот, что находился в башне, стоял на месте. Дисков к нему набралось двадцать шесть, но все пустые. Похоже, броневнику пришлось изрядно повоевать, на броне нашли два отверстия от пробития, да и следов от пуль хватало. Приказав водителям пока обслужить технику, похоже мы тут задержимся минут на десять, выставил двух часовых, остальным велел снаряжать диски, пяти-шести хватит, а сам прихватил инструмент – прошлый механик-водитель у моего трёхбашенного дракона был справным, всё имел в наличии – и направился к броневнику снимать пулемёт. Бойцы уже заканчивали собирать диски и переносили их к танку, поэтому я спущу всё вниз и уложу в боеукладках.

Пулемёт оказался в порядке, более того, имелась половина боезапаса в диске, я это узнал, когда снял его, после этого перенёс в танк и после быстрой чистки – пулемёт был сильно пострелявший, нагара хватало – установил на место, проверив, как поворачивается башня. Слегка поднял ствол пушки, ну и пулемёт проверил. Короткая очередь сбила ветки и листву с кустарника. Потом вставил свежий диск, набитый патронами, остальные уложил тут же на полку. Пустые разложил в обеих башнях. В общем, постепенно приводил танк к боевому состоянию. После этого мы покатали дальше, оставили деревеньку в стороне и выехали на другую дорогу, проследовав дальше за транспортной колонной немцев. Пришлось немного подождать, пока концевая машина не проедет, после чего последовали за ними до ближайшего перекрёстка, где и свернули. Сразу увеличив тут скорость движения, благо качество дороги это позволяло. Не сильно убитая была. Нам не раз встречалась брошенная советская техника, и мы всегда останавливались. Я в тайной надежде мечтал, что мы найдём-таки снаряды к моей пушке. Раньше дважды в грузовиках такие снаряды находили, но пока не везло, не было. Конечно, находки были, например, шесть ящиков с винтовочными патронами, два из которых были с пулемётными, Лосев, Бабочкин и оба политрука, сидя в десантном отсеке бронетранспортёра, не спеша набивали диски патронами. Теперь есть чем снаряжать. Да и воевать тоже. С брошенных танков мы сняли ещё два ДТ. Один я установил на шаровую опору в башню, так сказать кормовой пулемёт, и второй установил в левую пулемётную башню. Найти ещё один пулемёт, и всё, это вооружение будет по штату.

Как бы то ни было, но мы добрались до назначенного места встречи, и похоже, прибыли первыми. Бойцы посмотрели, дорога свежих следов прошедшей тут тяжёлой техники не имела. Ладно, подождём. Причём ждать я собирался не укрываясь, а под видом поста. Мы встали прямо на дороге, развернув технику так, чтобы держать все стороны под контролем, и пока Лосев с помощником занимался приготовлением обеда, а у нас его ещё не было, и воду нашли, и костёр развели, да и корзины с подарками от деревенских достали, хотя бойцы и плевались, брать у предателей не хотели, но голод не тётка, тем более пахло одуряюще вкусно. Пирог во время прошлой стоянки с молоком съели. Вон, ополовинили двадцатилитровую флягу, да на остальное явно нацелились. Вкусное молоко, свежее, я и сам две кружки выпил. Есть особо не хотелось после такого перекуса, поэтому я велел Лосеву пока вскипятить воду для чая, а мы бутербродов поедим, свежего хлеба с не менее свежим салом. Да и других деревенских яств хватало, взять тот же копчёный окорок.

Так вот, пока Лосев творил, мы тоже делом занимались. Пара бойцов изображали постовых, остальные кто отдыхал, кто наблюдал за окрестностями. Если появлялась какая машина или колонна, выходил я, останавливал и проверял, особенно одиночек. Лосев и политруки – да все, кто был в нашей форме, на этот момент прятались, чтобы их не увидели. Кстати, один из тех бойцов путешествовал на броне моего танка – когда пулемёты были установлены, осваивался в башне, а передвигался свесив ноги вниз, чтобы сразу нырнуть в башню и, если что, поддержать пулемётным огнём. Вот и сейчас он на башне сидел, пытался изобразить что-то на трофейной губной гармошке.

Останавливая разные машины, я искал продовольствие, это сейчас то, что нам необходимо. Тех запасов, что мы взяли на сборном пункте, хватит дня на два-три, если нормы не уменьшить, значит нужно постоянно выискивать и пополнять запасы за счёт немцев. Один раз повезло, остановили два «опеля», загруженных мукой, но было и несколько мешков с горохом. Водителей и сопровождающего взяли в ножи, а технику Иван с водителем нашего вездеходного грузовика отогнали к дальнему лесу, замаскировав в глубине опушки. Там их один из бойцов охраняет. Вернулись те на мотоцикле Майского, что их сопровождал при перегоне.

Я пребывал в отличном расположении духа, новости были просто великолепные. А как же, я не только радиостанцию в танке проверил, работала штатно, но изредка в наушниках и в бронетранспортёре сидел, ловил передачи немцев. Генерал так всё же поработал ночью на аэродроме, полностью его сжёг, правда потерял половину танков и людей, атакуя в лоб, немцы сообщили, что даже пленных смогли взять, но все самолёты и большую часть лётного и технического персонала уничтожил. Лишь малой части удалось спастись бегством. Про дела Михайлова тоже узнал тем же путём, например, крупный железнодорожный мост он уничтожил, как я и приказывал. Захватил, используя танки, а потом сапёры взрывчаткой, взятой мной на том же сборочном пункте трофейного вооружения, подорвали быки. Ухнуло всё вниз. Немцы истерики устраивали в эфире, искали виноватых и кто будет восстанавливать мост. Ну и тоже – кто искать этих наглых русских будет. Похоже, разозлили мы немцев изрядно. Мост был целью для утреннего удара, специально для отвлечения внимания, да и парни должны сделать вид, что уходят в другом направлении, потом развернуться, путая следы, и будут идти весь день – да, именно весь день – в сторону штаба армий «Центр». При этом соблюдая всю возможную маскировку. Вся техника должна напоминатьдвигающиеся кусты, при любой опасности смыкаться, как будто сплошной ковёр кустарника, и замирать. Это на случай появления воздушных наблюдателей или разведчиков. Если обнаружат, то огонь из всех стволов. Это же касалось тех, кого встретят по пути. В основном должны всех, кого встретят на дорогах, с ходу уничтожать, организуя подвижные засады.

По времени тот уже час как должны быть здесь, уничтожив перед этим ещё два моста, оба автомобильные. Однако группы не было, да и эфир был пуст, только немцы общались.

Тут как раз подходила очередная колонна с набитыми солдатами кузовами, когда меня окликнул Минский, что сидел в бронетранспортёре и слушал эфир. Он встал, подзывая меня и протягивая наушники. Снова пошёл активный радиообмен, вот тот и решил, что это важно. Так что, подойдя к борту, я надел наушники и стал внимательно слушать. Минский хорошо встал на волну, шорохов не было, отлично всё было слышно. Действительно, тема касалась и нас тоже. Тут говорили и про сожжённый мост, и про неизвестную группу, что рядилась под фельджандармов, давая наше достаточно точное описание. Даже про вездеходный грузовик сообщили. Чёрт, это плохо, где-то мы попались на глаза кому не нужно. Может, кто из пленных из группы генерала проговорился. Хотя мы там в основном с пограничниками контактировали, но могли от них узнать, слухами земля полнится. Нужно менять технику, или уходить вообще подальше. На ту же Украину, как я и планировал ранее. Сбросить с хвоста возможных ищек.

Колонна уже давно прошла, а когда я с задумчивым видом вернул Минскому наушники, то меня окликнул один из наблюдателей:

– Товарищ майор, смотрите, кто от дальнего леса к нам идёт.

Обернувшись и посмотрев, куда указывает наблюдатель, я тоже поднял бинокль, он у меня на уровне груди висел, и присмотрелся. Отличная цейсовская оптика приблизила картинку, которую я совсем не ожидал увидеть. От леса к нам шла группа бойцов и командиров. Верховодили там трое красноармейцев. Один шёл впереди и помахивал винтовкой, к которой была привязана белая тряпица. За ним гурьбой шло семеро человек, трое в лётных комбинезонах. Охраняли их по бокам с примкнутыми штыками ещё двое красноармейцев, увешанных

оружием. Те, кого они вели к нам, были явно разоружены. Минский, что тоже рассматривал эту группу в свой бинокль, разобравшись, в чём дело, только зло сплюнул.

– Суки. Своих же к немцам ведут.

– Ну не к немцам, а к нам, о чём они, к счастью, не подозревают, потому тройку в ножи, пленных освободить и в наш грузовик. Нужно его отогнать к тем двум. Противник уже о нас знает, что именно такой группой мы передвигаемся. Вскоре опросив сопровождающих разных колонн, узнают, где мы, поймут, что поста тут нет и мы ложные, и вышлют к нам боевую группу для захвата. Грузовик приметный, убрать его нужно.

– Пыль с севера! – услышали мы крик наблюдателя и, повернувшись, стали изучать дорогу, по которой двигалась какая-то техника.

– Мотоциклисты, – сообщил я почти сразу, у меня оптика получше была.

– Да, – чуть позже добавил сержант. – Вроде наши, вон тот знакомый, этого здоровяка я уже видел.

– Согласен, похоже, это группа Казанцева. Добрались наконец. Нужно опознаться.

Всё же это оказался именно лейтенант Казанцев со своими. Та группа окруженцев от леса ещё шла по полю, поэтому было время пообщаться.

– Здорово, чертяка, – обняв лейтенанта, похлопал я его по спине. – Наслышан о ваших делах, наслышан. Слушал, как немцы в эфире ругаются, матом вас за мосты кроют.

– Спасибо, товарищ майор, – смущённо улыбнулся тот и, скосив глаза на заметно приблизившуюся группу, осмотрел её в бинокль, и, всё поняв, удивлённо спросил: – Это как?

– А так, придут, отблагодарим этих добровольных помощников. Ножом в печень. Ладно, не обращай внимания, их бойцы встретят, нужные инструкции они уже получили, тем ещё с полчаса по пашне идти. Докладывай, как дела.

– У нас пока норма, продолжаем движение в сторону немецкого штаба, но для вас всё очень плохо. Товарищ старший лейтенант срочно отправил нас к вам. Сегодня под утро над нашей группой были выброшены парашютисты с транспортного самолёта, причём с немецкого «юнкерса». Трофей наш вроде как. При них такие документы были... Говорят, за подписью самого... В общем, у них приказ арестовать вас, там настоящее зубры, скрутят, и не заметишь. Пытались отдавать свои приказы, там майор госбезопасности командует, но не смогли, Михайлов упёрся рогом, не их специфика, да и задачи, поставленные вами, были очень серьёзные. Чекисты только наблюдали и записывали, как мы воюем, как мосты уничтожаем и небольшие группы немцев. Как эшелон остановили и полностью уничтожили. На платформах гаубицы были, полный дивизион с усилением. Ни один артиллерист не уцелел. Про основной план уничтожения штаба группы армий «Центр» они тоже в курсе. При них радист, связались со своими, и нам дали добро. Правильное дело делаем. А вот вас арестуют, самолёт наготове стоит, чтобы за вами вылететь. Постоянно контролируют Михайлова, мне с трудом удалось с ним пообщаться и незаметно покинуть группу. Иначе бы непустили, чтобы вас не предупредили. Наши тут, в шести километрах, недалеко уже.

– Да. Новости неприятные. Значит, соединиться с Михайловым мне не стоит. Есть ещё какие новости?

– Есть. Мы связного перехватили, чекисты его допросили, там двое знающих немецкий язык есть. Штаб начал перебазироваться в другое место, в Борисов, ближе к продвинувшейся передовой. Мы надеемся хотя бы часть на месте застать.

– Не стоит, – сразу ответил я. – План по атаке и так был самоубийственным, а тут может закончиться пшиком. В город тоже не сунешься, потеряем все танки и большую часть людей. Нужно узнать, каким путём перебазируется штаб, и бить его в колоннах при движении. Они по дорогам идут или по железке?

– И автотранспортом, и по железной дороге.

– Отлично, если взять информированного офицера, а под видом поста фельджандармов это вполне возможно, то, узнав систему движения, можно нанести удары так, чтобы нанести серьёзные потери штабу, если не уничтожить, то хорошенько потрепать. Из танков расстреливать вагоны на железной дороге и гусеницами давить автотранспорт. Тут придётся разделиться на несколько ударных группы, чтобы нанести удары одновременно. На мой взгляд, тут удачи на успех будет куда больше. Так, дай мне с полчаса, пока всё обдумаю, а сам займись делом. Мы два грузовика с мукой захватили, отправь людей забрать из отстойника и перегнать их сюда. Это ещё не всё, раз меня так серьёзно ищут, а в тыл, я считаю, мне рано, то планирую сменить место своих действий. Всю группу, что сейчас работает со мной, заберёшь, возвращаясь к Михайлову. При мне останутся только Лосев и Бабочкин. Ординарец и, скажем так, личный водитель. Я напишу приказы на дальнейшие действия группе Михайлова, передашь их ему. Он будет знать, что делать дальше. Ещё рапорт по своим дальнейшим действиям подготовлю.

– Хорошо.

Тут мы прервались, так как наконец подошли окруженцы. Пара моих бойцов, переодетых под немцев, с МП наготове, уже встретили их на подходе и разоружили тех, что добровольно шли сдаваться. Те с охоткой сдали всё оружие, убеждая парней, что они рады немцам, да и вообще за германскую власть. Даёшь новую власть. Наши бойцы, слушая их, только ухмылялись, и мстительные улыбки стали шире, когда задние дверцы десантного отсека бронетранспортёра распахнулись, и пользуясь тем, что дорога была пуста, наружу выбрались оба корреспондента и Лосев. Вот это вызвало всеобщий шок у окруженцев. И если те, кого вели в плен, явно обрадовались, с надеждой рассматривая нас, то тройка красноармейцев поначалу застыла в ступоре. Потом те чуть ли не взвыли, один так натурально выл от отчаянья и безысходности, катаясь по земле и хватая бойцов за ноги. А вот командиры и летуны, которых к нам вели, оживились. Бойцы переждали радость встречи, мы представились подвижной диверсионной группой, радостные объятия тоже были, после чего я велел Лосеву накормить оголодавших бойцов и командиров, а тройку расстрелять. Это уже Минскому отдал приказ. И расстреляли, рука не дрогнула.

Дальше, пока Казанцев занимался делами, отправил мотоцикл с водителями за грузовиками, Лосев кормил окруженцев, отвечая на их вопросы, тех уже и вооружить успели, вернувшись, что с них эти трое сняли. С ними также и корреспонденты общались, которые, кстати, удивили своим присутствием у нас Казанцева, он о них ничего не знал. Укрыли мы их за техникой, чтобы с дороги не видно было, вот те спокойно сидели на примятой траве и быстро, фактически жадно, насыщались. Так вот, пока все занимались делами, я так и стоял у капота с картой и, делая пометки на ней, ставил задачи Михайлову, эту карту я планировал отправить старшему, как и всю технику, кроме одного мотоцикла. Его сейчас Бабочкин осматривал, заправлял с помощью Майского, это его, бывшая теперь, техника. В общем, он наши вещи убирал в коляску, три ППД с боеприпасами, сидора с формой. Да всё, что могло пригодиться. Конечно, жаль расставаться с парнями, прикипел я к ним, но надо. Да и Минский всё понимал, к тому же с основной группой часть его бойцов находилась, с которыми тот не хотел терять связь, всё же подчинённые. Так что тот спокойно воспринял то, что переходит под командование лейтенанта Казанцева, а дальше как уже Михайлов решит. Опытные разведчики ему точно пригодятся.

А приказы я составил таким образом. Сегодня состоится одновременный удар по железной дороге, по которой перебрасывают подразделения штаба, и по шоссе дорогам. Потом, уничтожив за собой ещё один железнодорожный мост, уйти в сторону и уходить к нашим, уничтожая по пути всё что только можно. После соединения с нашими перейти в подчинение командиров на передовой. Там дальше решат, кого и куда, да и рейд мангруппы пора заканчивать. Немцев мы серьёзно зацепили, разозлили, охотиться на нас будут тщательно, поэтому я и решил мангруппу вывести к нашим, а самому перебраться на Украину. Там тихо, можно

спокойно работать, собрав новую мангруппу из окруженцев, освобождённых военнопленных и техники со складов сборных пунктов трофейного вооружения. Ещё позволю.

Среди только что освобождённых пленных был один танкист, механик-водитель с Т-26, но Т-28 ему тоже знакомая машина, так что я выдал ему шлемофон и комбинезон, приказав осваиваться в машине. В башне устроился лейтенант-артиллерист, сетуя, что снарядов нет, и ещё два бойца за пулемёты встали. Перегнать смогут, дальше Михайлов найдёт применение и людям, и танку. Подозвав Казанцева, я довольно долго его инструктировал, что передать Михайлову, выдал также и листы с письменными приказами за моей подписью, и последний рапорт по действиям моей группы. На этом мы стали прощаться, тем более от дальнего леса, переваливаясь на ямах и кочках, двигались к нам оба грузовика с мукой, в сопровождении мотоцикла.

После трогательного прощания мы наконец расстались. Колонна под командованием Казанцева направилась на соединение с группой Михайлова, у них было обговорено место встречи, а я, оседлав мотоцикл и запустив движок, погнал в другую сторону. Бабочкин сидел за мной, а Лосев, накинув сверху мотоциклетный плащ, в коляске, прикрывал, что одет в красноармейскую форму. На глазах у него очки, каска сверху, внимания не привлекал. Усами если только.

Вот и закончен один этап нашей войны в тылу противника, пора переворачивать страницу и переходить к новому этапу и новой войне. Кстати, а бляхи фельджандармов мы сняли, превратившись в обычных солдат вермахта. Ищут жандармов? Ну и пусть ищут.

Бак у мотоцикла был полный, плюс канистра, тоже не пустая, на коляске в держателе закреплена. Километров на сто влёгкую хватит, несмотря на то что эта техника довольно прожорливой была. Ещё бы, даже у коляски было ведущее колесо, особенно в грязи хорошо, застрять – это ещё постараться нужно. Ладно хоть можно отключать привод на коляске, когда он не нужен, да и расход меньше при этом. Все вещи мы никак не могли сложить в коляску и в багажный отсек. Тем более Лосев и Бабочкин, узнав, что поедem на мотоцикле, побегали, пока смогли что-то загрузить. Автоматы сложены в ногах у Лосева, там же два сидора. Продовольствие в багажном отсеке, плюс часть боеприпаса. Также при этом у нас с Бабочкиным были солдатские ранцы за спинами. Там и хранилась наша форма. Всё взяли, что могли, включая посуду и ложки.

Когда мы удалились от места расставания с Казанцевым километров на двадцать, благополучно избежав интереса к себе, то, припомнив карту, я свернул на перекрёстке дорог на полевую, в открытое поле. Если память мне не изменяет, где-то тут должен быть бывший наш полевой фронтон аэродром, захваченный немцами. Посмотрим, что там есть. Поднимаясь на довольно высокий холм, тут так дорога, петляя, на него взбиралась, я стал переключаться на более низкую передачу, когда вдруг раздался хруст, и, дёрнувшись несколько раз, мотоцикл заглох, встав намертво. Выключить скорость у меня так и не получилось. Несколько секунд мы сидели в тишине, переваривая случившееся, после чего я недовольно буркнул:

– Приехали.

– Что-то случилось, командир? – слезая с заднего сиденья и отходя в сторону, поинтересовался Бабочкин.

Однако ответил ему не я, а ворчливый Лосев, с трудом выбираясь из перегруженной вещами коляски:

– Сломались мы, что тут ещё может случиться? Кстати, командир, серьёзная поломка?

– Звук знакомый был, да и встали сразу, – также слезая с транспортного средства, задумчивым голосом ответил я. – Похоже, повреждения в коробке, и я даже могу угадать, что понижающий редуктор накрылся. В сорок шестом, когда я проводил инспекцию на Урале, некоторые заводы посещал, то мне дирекция одного из заводов для разъездов выдала служебный транспорт. Как раз такой мотоцикл, трофейный, «БМВ Р семьдесят пять». Причём произведён

тот был, кажется, даже в начале сороковых. Всю войну проездил, сыпался только так. Я больше его ремонтом занимался, чем проводил ту работу, ради которой меня послали. Правда, и дело сделал, и мотоцикл этот изучил от и до. У меня была такая же поломка. Тогда запасной редуктор на складах нашёлся, а где тут его искать? Ладно, посмотрим. Там в багажнике коляски чехол должен быть с инструментом, доставайте.

Бойцы переглянулись, и Лосев нехотя сообщил:

– Командир, мы это, в общем, он место занимал, вот мы его и выкинули.

– Ну и ладно, – легко ответил я. – Не особо и хотелось копать. Проще что-то другое добыть.

Осмотревшись, я велел Бабочкину брать жезл, ими обычно фельджандармы пользовались, надевать бляху и изображать пост. Судя по следам, тут хоть и редко, но машины появлялись. Старые следы от полуторок, и более свежие, уже от немецких машин. Дождя бы, зной такой стоит, что всё высушивает, вон, даже следы недельной давности хорошо сохранились, разобрать можно.

– Надо было мотоцикл старшего сержанта Минского брать, – вздохнув и тоскливо осмотрев пустую дорогу в обе стороны, сказал Бабочкин. – Он у него поновее был.

– У Минского зажигание полетело, сам видел, как с толкача заводили, – устроившись на сиденье, я сделал глоток из фляги, поясняя некоторые моменты на озвученные Бабочкиным мысли.

– А у лейтенанта?

– А у Казанцева машины имели эмблемы другого подразделения. Как ты себе представляешь солдат полевой жандармерии, имеющих знаки на форме одного подразделения, а продвигающихся на технике из другого, да вообще другой части. На мой взгляд, это сильно подозрительно, можно подумать, что едут не настоящие жандармы, что так и было. Поэтому как тактические знаки на технике, так и на петлицах – всё это должно совпадать. Я тебе больше скажу, нужно знать фамилии всего руководства этого подразделения от лейтенантов смежных подразделений, и так далее выше по вертикали власти, вплоть до генерала. Знать боевой путь полка и своей роты.

– А мы-то не знаем, стали бы расспрашивать, и поняли, что мы поддельные, – вздохнул Лосев.

– Почему не знаем? Я же не зря столько времени допрашивал того водителя бронетранспортёра. Всё он мне выложил, а на память я не жалуюсь. Легко бы отбрехался. Правда, пока не пригодились, но учитывать нужно всё.

– Танк, жалко, бросили, мне на нём понравилось. Ход такой мягкий, почти не трясёт, – вздохнув, сказал Бабочкин с мечтательной улыбкой. – Да и вам он явно понравился, вон как обхаживали его, подготавливали, да и расставались явно с сожалением.

– Это точно. Хотя танк и имеет противопульную броню, снаряды противотанковых пушек его насквозь бьют, всё же это отличный танк. Пока дорога пуста, думаю, можно рассказать вам одну историю памятного и легендарного сражения, которое произошло не так и далеко от нас. В Минске.

История действительно была интересной, старший сержант Дмитрий Малько, заведующий складом запчастей к авто и бронетехнике, получил приказ эвакуировать склад. Он слёзно умолял командира завести один из танков Т-28, стоявших на хранении после капитального ремонта, всего там было шестьдесят три танка этого типа, немцам досталось шестьдесят два, часть в сожжённом виде. В конце концов командир разрешил, и Дмитрий в сопровождении колонны направился в тылы. В пути танк заглох, вроде бы причиной был авианалёт, и Дмитрий с разрешения командира стал его ремонтировать, пообещав догнать колонну. Когда смог завести, колонна уже ушла. Наступила ночь, и он решил переночевать на опушке леса, где к нему вышли четверо, майор-танкист Васечкин и трое курсантов. Запомнил я только одного

– Николая Педана. Они и стали экипажем для танка Дмитрия. Когда наступило утро, выяснилось, что вокруг немцы и к своим не прорваться, тогда Николай Педан предложил прорываться через Минск. Дмитрий Малько горячо одобрил его, так как знал Минск очень хорошо и был способен провести танк на другой конец города хоть с закрытыми глазами. Майор, подумав, дал согласие. Вполне дерзко, может и получится. Тогда они полевыми дорогами направились на брошенный склад сержанта Малько, загрузились снарядами и патронами, дозаправив машину, после чего, подойдя к окраине и подготовившись, на полной скорости ворвались в город. К тому моменту танки генерала Гудериана уже ушли километров на девяносто от города и остановить «бешеный танк», как прозвали его немцы, было попусту нечем. Слишком внезапно он появился на очередной улице, ведя пушечно-пулемётный огонь. Майор выпускал снаряд за снарядом по технике противника, уничтожая грузовики и штабные машины. Пулемёты работали не переставая. Малько давил часть техники, что попадалась по пути. Как ни странно, нанеся большие потери немцам, танк смог прорваться к противоположной окраине города, пройдя его насквозь, оставляя за собой множество дымов горящей техники. Однако на окраине Минска их уже ждали, они наткнулись на спешно готовившуюся к бою зенитную батарею. Первый снаряд рванул не долетая, и Дмитрий свернул в сторону, стараясь увести танк из-под огня. У него этого не получилось, машина содрогнулась от страшного удара, и в боевом отделении появился дым. Майор Васечкин скомандовал покинуть машину. Дмитрий, по голове которого чиркнул осколок, был на грани бессознательного состояния, но выполнил приказ командира, он также видел, как машину, мелькая в дыму, покинули два курсанта, один был тут же сражён из пулемёта, и сам майор. Раненым тот, отстреливаясь из пистолета, приказал уходить огородами. Танк горел, дым укрывал Дмитрия, и, уйдя через огороды, тот спрятался в ботве, закопавшись в ней. Это его и спасло. Тут грохнул взрыв, и Дмитрий понял, что танк взорвался. На второй день он встретил укрывающихся в городе окруженцев и с ними вышел к своим. Воевал тот хорошо и закончил войну старшим лейтенантом, заместителем командира танковой роты. Причём именно его полк брал Минск в сорок четвёртом, и тот плакал, когда обнаружил свой танк Т-28 стоящим на том месте, где их подбили, ржавый от огня, с лежавшей рядом башней после детонации остатков боекомплекта. После войны он искал информацию по остальным из экипажа, в газеты писал, и откликнулся тот самый Николай Педан. После того боя он был взят в плен, и освобождён из него только в сорок пятом году. Потом уже выяснили, что майор Васечкин и один из курсантов погибли у танка, их похоронили минчане, а судьба третьего курсанта стала известна чуть позже. Плен, побег, партизанский отряд, и гибель во время одной из операций. Вот такая история, братцы. И это единственный случай, когда эта машина показала себя хорошо. С необученным экипажем, часть из которого впервые сидела в танке, но так повоевать не каждому повезло. Заполучив такой «двадцать восьмой», я хотел превзойти подвиг этих ребят, а теперь уж что говорить. Если повезёт, найдём ещё одну такую машину.

– Да, хватили лиха ребята, – вздохнув, сказал Лосев. – А те танки, что сейчас на складе стоят? Угнать можно?

– А чёрт его знает. Немцы, конечно, эпизодически их использовали, в основном в охранных дивизиях, а так, думаю, на переплавку отправили. Металл им был нужен. Около железных дорог всё вычистили.

– Ничего, ещё найдём что интересное.

– Я тоже на это надеюсь. Ладно, похоже, тут совсем редко ездят, дорога ведёт на аэродром и к двум деревням, что находятся неподалеку от него. Если на аэродроме и есть охрана, что занимается сортировкой трофеев – того, что уцелело, то немного. Меня «Чайки» интересуют, есть ли там такой тип самолётов. Их пилоты исхажали, насколько я знаю, эти истребители-бипланы не могут соревноваться с «мессерами», горят как спички, но если использовать их как штурмовики, да ещё в тылу противника, это будет такой Армагеддон, что немцы взвоют.

Мне бы хотя бы четыре машины с запасом ракет, бомб и топлива, это тот минимум, что нужен. Поэтому я и завернул сюда, хотел разведку провести.

– А что такое Армагеддон? – поинтересовался любопытный Бабочкин.

– Конец света.

– Тогда мы уже несколько раз некоторым немцам его устраивали. Вспомнить тот штаб, фронтовой аэродром или артиллеристов, два дивизиона уничтожили. Да и вообще, правильно вы говорите, взвоят.

Пока покидать место поломки мотоцикла мы не спешили, при нём мы вроде как при деле, а понесём вещи, причём всё взять вряд ли получится, уже станем привлекать внимание. Это как шапка-невидимка, с мотоциклом мы сливаемся с остальными ордами вермахта, без него – пешие туристы, загруженные с головой. Да ещё Лосев, у которого не было своей трофейной формы, вечно у него отговорки, так и не подобрали. Если только как пленного поведём, типа добровольного помощника. Только для этого нужно сначала с него всё снять, и нагрузить больше всех, вроде как дармовая сила.

Делать было нечего, покидать место поломки нам действительно не было смысла, так что, пользуясь свободным временем, я стал записывать Бабочкину тексты некоторых песен и даже пару раз пытался напеть, чтобы тот уловил ритм. Снова обещал больше так не делать. Лосев отдыхал, устроившись на коляске, закинул ноги на пулемёт да изредка поглядывал обе стороны дороги, изучая местность в бинокль. Записав тексты трёх песен, мы начали с первой – «Эх, дороги». Сначала тот заучивал текст, потом пытался наигрывать, а я слушал и подсказывал, где взять выше, а где ниже. После тридцатого повторения одной и той же песни даже Лосеву она осточертела, поэтому, решив, что некоторый опыт имеется, принялись за вторую, но тут нас прервали.

– О, а вот и транспорт, – садясь и свешивая ноги, сообщил мой ординарец, глядя куда-то мне за спину, откуда мы приехали.

Обернувшись, я поднял бинокль и, присмотревшись, пробормотал:

– Деревенские на телеге катят. Хм, почему бы и нет? Значит, так, быстро раздевайся, сапоги, ремни, звёздочку из пилотки вытащи, будешь изображать военнопленного – сядешь вон там, метрах в пяти от нас, с унылым видом, ну а ты остановишь телегу, потом уже я подойду и возьму слово. Всё, занимайтесь делом.

Лосев быстро снял всё, что я велел, по-хозяйски убрав в свой сидор, и, отойдя в сторону, сел, положив ладони на колени, и слегка раскачивался взад-вперёд. Да типичный пленный. Осмотрев его придирчивым взглядом, пробурчал:

– Ещё бы карманы вывернуть, совсем бы хорошо было?

– У меня там махорка и зажигалка трофейная, – не открывая глаз, известил тот. – Ещё нож складной, пистолет, фонарик. Да много что...

– Ну ладно, так сиди.

Деревенские до нас не спеша добирались, то есть достаточно долго. Поскольку никто в округе так из немцев и не появился, придётся использовать то, что есть.

– Хальт! – как я научил, поднял руку Бабочкин, придерживая висевший на груди автомат.

Его руки, загоревшие до черноты, были видны до локтей, рукава, как и у меня, подвёрнуты. Красуясь, он направился к телеге. Я же, также спрыгнув с седла мотоцикла, с громким лязгом взвёл затвор, обходя телегу с другой стороны. Мне не понравилось, как слегка шевельнулось сено, как будто под ним кто-то был. Может, и собака, но проверить нужно.

Рядом с телегой шёл босой старик с шикарной седой бородой. Он ступил на землю, когда начался подъём, чтобы лошади было легче. Вот мальчишка лет двенадцати, что сидел на телеге, слезать не спешил и так и ехал сидя. Сейчас он бросал на нас быстрые опасливые и слегка настороженные взгляды. Мне показался какой-то диссонанс между ним и стариком, но я никак не мог понять, что царапает мой взгляд, что не так, поэтому решил проанализировать этот

момент ещё раз, но чуть позже, а сейчас важна была сама телега. Указав на сено пальцем, я взял наизготовку автомат, Бабочкин, видимо, это шевеление не заметил, но тоже быстро привёл оружие к действию. Он держал на прицеле старика и парнишку, а я откинул сено. Хм, старик вёз раненого лётчика. На меня смотрело дуло ТТ. В слегка дрожащей, явно ослабленной руке, но оружие боевое и выстрелить могло в любую секунду.

– Советую отдать пистолет мне, – протянув руку, сказал я на чистом русском языке. – Кстати, к вашему сведенью, если бы мы были настоящими немцами, старика и парня ждало бы одно. За укрывательство всегда расстрел.

Тот слегка растерялся, так что я успел кинуть руку вперёд и перехватить пистолет пальцами, сунув указательный между спусковым крючком и скобой. Теперь он выстрелить не сможет, мой палец мешает. Рисковал, конечно, но что поделать, стоять под прицелом мне понравилось ещё меньше.

– Кто вы? – выдохнул раненый младший лейтенант.

– Майор Корнев, провожу в этом районе диверсионную деятельность, – спокойно пояснил я и, подняв голову, крикнул ординарцу: – Лосев, хватай медикаменты и сюда! У нас тут раненый. Похоже, серьёзно.

– Это я мигом, – подскочив к мотоциклу и открыв багажный отсек, тот подбежал к нам и захлопотал над раненым.

Пока он работал, всё же некоторые знания по медицине имел, два года работал помощником сельского фельдшера, я прошёл к хозяину транспортного средства.

– Что же вы так неаккуратно-то? А если бы настоящие немцы были?

– Да тут их никогда и не бывало, – досадливо поморщившись, ответил тот, с интересом изучая нас. – Ездят редко, да и то те, что на бывшем военном аэродроме стоят, и всё.

– Кстати, по подводу аэродрома, нас он и интересует. Особенно исправные самолёты. Есть такие?

Задав этот вопрос, я покосился на мальчишку, что активно грел уши, уничтожая шоколадку, которую ему дал Бабочкин, и внезапно понял, что меня так в нём цепляло. Да городской он, а старик явно деревенский житель, вот и диссонанс, что привлёк моё внимание ранее. Правда, заострять на этом внимание не стал, их дело.

– Да вроде есть какие-то. Давеча третьего дня приезжали инженеры германские, осмотрели всё и уехали. Вроде ничего интересного для них. Оставили вот охрану, вроде бы куда-то всё вывозить собираются.

– Понятно.

Тут подошёл Лосев, который доложил по раненому:

– Товарищ майор, сбили его, ещё когда тут только немцы появились. Пилот связного самолёта. Ноги прострелены, но им занимался опытный хирург, всё зашито, повязки наложены грамотно, моего вмешательства не требуется. Время тут может только вылечить. Кости не задеты, парню повезло.

– Это ты по повязкам узнал?

– Почему? Расспросил командира, и всё, да повязки осмотрел.

– Понятно.

– Вот что, товарищ?..

– Еремеем Ильичом меня звать, – сразу откликнулся старик.

– Хорошо. Вот что, Еремей Ильич, нужно мотоцикл спрятать, отбуксировать и замаскировать, вещи наши перевезти в укромное место. Найдётся такое?

– Подыщем. А с машиной что?

– Сломалось, колесо заднее заклинено, только волоком тащить, а на дороге оставлять опасно, немцы по номерам определяют, что она в угоне. Оно вам надо, обыски в деревнях? Всех собак постреляют, кур наворуют и уедут. Повезёт, если живыми останетесь.

– Спрячем, – теперь уже более уверенно ответил тот. – Прямо сейчас и спрячем. Тут недалеко овражек есть, с кустарником.

– Отлично. Вещи пока к вам в телегу покидаем, потом на ходу определимся, как кому себя вести.

Старик отстегнул часть упряжи и повёл коня к мотоциклу. Там ему Бабочкин помогал, привязали всё что нужно, Лосев уже заканчивал пулемёт снимать, остальные вещи он уже перетаскивал, замаскировав в сене, в том числе полную бензина запасную канистру. Потом конь потащил мотоцикл в известное одному старику место, а мы остались ждать. Не успели те скрыться, как раздалось отчётливое тарахтение мотора. Ещё этого не хватало.

Хотя нет, возможно, как раз и хватало. Транспорт нам понадобится. Раз нас уже ищут, то нужно сменить маскировку. Технику, знаки различия, возможно форму, а то у меня кровавый след на рукаве, неудачно ножом поработал, и никак не смывается. Так что станем связистами, авиаторами, танкистами или мотострелками. Большое поле выбора, кто попадётся, теми и станем. Нужно будет почаще менять личность, это позволит нам стать в тылу противника невидимками. Однако взять в ножи пару постов фельджандармерии не просто нужно, а жизненно необходимо. Мы так и посты обходить сможем, и маскироваться, пристроившись к какой-нибудь колонне, куда та идёт и во сколько, мы будем знать заранее, благодаря этим жандармам. В общем, информация от них по тылам противника нам действительно нужна. Причём срочно, мы не так далеко от штаба группы армий «Центр» находимся, и если Михайлов вот-вот нанесёт удар, то мы окажемся в эпицентре поисков, что мне совсем не надо. Да, кстати, что стоит упомянуть. Как я уже ранее говорил, знание немецкого у меня на довольно низком уровне, из-за чего часто приходится ловчить, например, платком губы закрывать, вроде как зубы болят, и другие схожие ухищрения, чтобы акцент был незаметен за глухотой голоса. Однако за последние дни у меня было столько практики в нём с настоящими носителями языка Гёте и Ницше, что даже я стал замечать, что бойче и увереннее лопочу на нём. И акцент стал мягче, не так явно проявлялся. Вот что значит активная и богатая практика, сам не ожидал. Да и в прошлом мире я изучил язык просто для самообразования, но практики было мало, с фронтовиками общался да с немногими представителями из Германии, в основном инженерами и конструкторами. Я всегда старался говорить на их родном языке, мне нужна была практика, наработать опыт, а сейчас я его получил столько, что сам удивился рывку вперёд в освоении этого языка. Так же и с письменностью.

Прислушавшись, постарался определить, откуда идет звук. Я повесил автомат поудобнее и поправил бляху жандарма на груди, которую также вернул на место. Хотя чего гадать, машины не слышно, а рёв мотора – явно что-то грузовое движется, уже отчётливо слышно. Если бы неизвестные ехали с той стороны, откуда мы появились, мы бы их увидели раньше, чем появился звук мотора, но холм скрывает от нас немцев, но звук лишь делает чуть глуше.

– Превратись снова в военнопленного, – велел я Лосеву, отходя от телеги, перед этим поправил сено, чтобы летёху не было видно.

Пока ординарец снова садился на траву, делая вид, что он уже со всем смирился, с пленом в том числе, я осмотрелся и довольно кивнул. Пока всё в норме. Вот пистолет лейтенанту я не вернул, ещё не хватало, чтобы тот вмешался и поломал нам игру. Мальчишка настороженно на нас поглядывал, его Эдиком звали, но снова устроился на телеге, я велел ему успокоиться и сидеть тихо, а сам вышел на середину дороги, ожидая транспорт. Как я и думал, это оказался грузовик. «Опель», самая массовая машина в вермахте. Сначала над холмом показался покачивающийся тент над кузовом, потом кабина и потом уже капот. Насколько я смог рассмотреть, солнце на лобовом стекле бликовало, мешало, в кабине сидело двое, второй вроде как офицер, судя по фуражке. Есть ли в кузове солдаты, неизвестно, но то, что машина шла с захваченного советского аэродрома, факт, другой дороги тут нет. Тупик.

Насчёт офицера я не ошибся, в кабине сидел молоденький лейтенант с нашивками одной из охранных дивизий, которая держала тут тылы. Подняв руку с жезлом – я забрал его у Бабочкина, когда тот отправился помогать старику прятать мотоцикл, – остановил машину.

– В чём дело, фельдфебель? – приоткрыв дверь, как только машина остановилась, строго спросил офицер, добавив уже тише: – Мы торопимся.

Спокойно козырнув, я представился:

– Фельдфебель Ланке, второй взвод дорожной службы фельджандармерии восьмой охранный дивизии. Попрошу документы и путевой лист.

Я сначала проверил документы у лейтенанта, всё верно, заместитель командира роты, один из взводов этой роты стоял на охране аэродрома, а лейтенант, похоже, перевозил продовольствие и проводил проверку, там на аэродроме фельдфебель командовал. Потом я проверил документы водителя. Тут тоже всё в порядке. Во время проверки также изучил кузов. Практически пустой. То, что там было четыре примерно двадцатилитровых термоса, понятно, но ещё было восемь явно советских канистр, видимо прихваченных с аэродрома, трофеи есть трофеи, на этом всё. Повезло, есть за что зацепиться.

– Что за груз, почему не отмечен в путевом листе? – строго спросил я у водителя.

Глаза у того забегали, и он заюлил, поэтому ответил подошедший к заднему борту лейтенант:

– Канистры моё личное имущество, внутри трофейный авиационный бензин.

– Зачем он вам? – искренне удивился я, причём настолько, что «забыл» субординацию, но лейтенант на это не обратил внимания.

Он смутился и поначалу неуверенно стал отвечать. Не послал меня, как мог бы, что это его дело, а слегка смущённо улыбаясь, пояснил:

– Мне трофеем достался советский биплан, связной, я его отремонтировал, пленные помогли, и решил опробовать в воздухе. Потом отправлю родителям, будет опрыскивать поля на ферме. Все нужные документы я уже оформил. Ни на что больше тот не годится.

– Ясно, господин лейтенант, – я действительно понимал его стремления.

Тот, видя моё одобрение, с некоторой гордостью добавил, видимо решив прихвастнуть:

– Я в фатерлянде занимался авиамоделированием и посещал лётную школу. Закончить не успел, но управлять самолётом умею, опыт имеется. Мой отец тоже имеет удостоверение пилота, он сможет управлять этим самолётом, или наймёт кого.

Лейтенант стоял у заднего борта рядом со мной, водитель, документы которому я уже вернул, ушёл к кабине и сейчас возился внутри, оставив дверь открытой. Я внимательно слушал лейтенанта, согласно кивая в нужных местах, но и по сторонам не забывал поглядывать. Кстати, на Лосева оба немца даже внимания не обратили, как в принципе и на телегу, как будто это деталь пейзажа. Наконец словоблудие лейтенанта стало подходить к концу, и тот с интересом осведомился:

– А вы тут какими судьбами, фельдфебель? Дорога только на наш объект идёт, пост организовывать тут нет смысла. Не понимаю, что вы тут делаете.

– Мы на аэродром и ехали, господин лейтенант. Приказ начальства, найти рабочий трофейный самолёт для нашей разведывательной службы. Не знаю точно, зачем он им нужен. Выдали пленного, он авиационный механик, и мы с рядовым Краузе выехали на аэродром, да вот сломались. Коробка передач полетела. Остановили деревенских, и Краузе стал сопровождать буксировку лошадью к дороге, там найдёт попутную машину и отправит мотоцикл в реммастерские. Мы уже хотели на телеге отправляться в путь, а тут вы. Кстати, вон мой солдат с крестьянином возвращаются. Видимо, смогли отправить технику на ремонт.

– Понятно, – мельком обернувшись, кивнул офицер. – На аэродроме действительно имеется несколько вполне целых на вид аппаратов, танкисты старины Гудериана захватили его внезапно. Часть хотят забрать наши союзники, финны, остальное, видимо, пойдёт на переплавку.

Нам нужен авиационный алюминий, он тут есть. Тут стоял бомбардировочный полк, вас какие самолёты интересуют?

– Да как раз небольшие связные, они тут есть?

Тут лейтенант явно забеспокоился, почуяв, что может лишиться своего трофея и никакие выправленные бумаги на него не помогут, с разведкой, особенно военной, шутить не стоит. Он засобирился, вот только отпускать его я совсем не хотел, а быстро достав пистолет, навёл его на офицера. Бабочкин уже подошёл и по моему знаку одновременно со мной взял на прицел водителя, после чего с помощью Лосева выдернул его из кабины и обыскал. Я же занимался лейтенантом, который не понимал, что происходит. В принципе можно их было и отпустить, если бы не одно но. Тот видел нас с деревенскими, начнутся расспросы и запросы по разным частям, не видел ли кто странных фельдполицаяев, и тот может про нас вспомнить. Будут проверять, выйдут на старика, а у него раненый, забирать того я не планировал, свяжет нас. Так подставлять их я не хотел, значит, свидетелей нужно убирать. А так пропали те где-то на дороге, и пропали. Ближе к вечеру, когда они в расположение части не вернутся, будет поднята тревога, возможно и деревни посетят, да и то вряд ли, но главное, к старику этот след не приведёт.

Дальше быстро раздели обоих пленных. Сняв с них всё и связав, мы закинули «языков» в кузов, в который также загружали все наши вещи, посещать аэродром я передумал, меня сильно заинтересовал тот восстановленный самолёт. Вот так, пока Лосев бегал и перегружал наши вещи, ему Еремей Ильич помогал, я переоделся в форму водителя. Она мне по размеру подходила, лейтенант длинным оказался, не мой размер, и вёл допрос обоих пленных. Узнал данные обоих, в какой части служат, кто командиры, путь следования. Да всё, что может пригодиться в ближайшие сутки. Приём, чтобы поймать их на лжи, вёл опрос по отдельности. Одного из кузова пришлось вывести, пока с другим работал. У лейтенанта узнал, что за самолёт тот затрофеил, и где он находится. Кто охраняет. Я думал, ему достался У-2, но оказалось нет, это был полноценный разведчик и связист двухместный полутораплан Р-5. Топлива в баках было немного, где-то треть, но лейтенант рисковать не захотел, решил заправить с помощью трофейного топлива, что осталось на аэродроме. Немного, но оно было. Он только из-за этого и вызвался провести неплановую разведку, чтобы бензину и моторного масла добыть, и вот добыл. Конечно, даже странно такое везение, но у меня сразу появились планы насчёт этого самолёта, да и нужен он нам. Я прикидывал, как нам быстро добраться до территории Украины, по земле опасно, могут прихватить, а тут такой шикарный подарок, грех им не воспользоваться.

Бабочкин наконец переоделся в форму лейтенанта, та ему немного длинна была, но хотя бы сидела не так мешковато, как на мне, а рукава он просто подвернул. Допрос я уже закончил, водитель выдал те же сведения, что и лейтенант, так что говорили они правду, поэтому мы их пока забросили в машину, где их охранял Лосев, вооружённый ППД. Сразу кончать не стали, следы я не хотел оставлять, найдём укромное место и спрячем тела. Покинув кузов, я подошёл к Еремею Ильичу, лётчик в разговоре тоже участвовал, слушал больше, и сообщил:

– Мы уходим. Оружие немцев мне не нужно, карабин с подсумками и офицерский «парабеллум» с боеприпасом можете забрать себе. Жаль, офицер налегке ехал, автомат не взял, пригодился бы. Но вам вот что скажу, в деревне лейтенанта не держите. Скоро облавы будут, найдут, расстреляют вас вместе с ним, я уже говорил, немцы свои законы вводят. Лучше где в стороне отройте землянку, замаскируйте её и лечите его там. Но так, чтобы тропинку не натоптать, и хоронитесь, чтобы не отследили. Оружие можете там же держать. Я вам ещё две трофейные гранаты дам на длинных ручках, пригодятся. На этом всё, удачи вам.

Вернув летуну его ТТ, я проследил, как Бабочкин передаёт Еремею Ильичу оружие, себе я оставил автомат, и мы, устроившись в кабине, покатали к дороге. Там, осмотревшись, я повернул налево и направился к селу, где находилась комендатура и где служили оба этих архаровца. Там же на окраине и стоял укрытый в тени яблоневого сада самолёт лейтенанта.

Тот собирался после того, как попробует его в воздухе, разобрать и поездом отправить в Германию, отец груз встретит.

На дороге разного транспорта хватало. На перекрёстке появился пост, лейтенант, когда они ехали на аэродром, его не видел, иначе сообщил бы. Значит, тот возник не так давно. Этот пост фельджандармов тормозил подозрительные машины. По счастью, мы такими не выглядели, проехали не останавливаясь, судя по нашивкам, солдаты с поста из той же дивизии, что и наши пленные. Причина в такой панике мне пока была неизвестна, но догадаться было несложно. Значит, Михайлов, как мы и договорились, нанёс сразу несколько ударов по подразделениям передислоцирующегося штаба группы армий «Центр», что не могло не радовать. Вон, как оглашенные носятся, значит, удары нанесены серьёзные и очень болезненные. Теперь главное, чтобы немцы, бросив все силы на поимку мангруппы, не окружили её и, выбивая один танк за другим, не уничтожили их. Сейчас Михайлов должен рвануть к передовой, тут километров семьдесят по прямой было, ещё между ним и нашими находятся танковые части Гудериана, надеюсь, он сможет прорваться, круша всё на своём пути. Так собирая на себя всех немцев, тот отвлекал внимание от нас. Правда, не так сильно, как выяснилось, раз тут этот пост появился. Хотя комендатура могла его поставить на всякий случай, действуя по инструкции в таких ситуациях.

Приметив съезд в сторону и кустарник явно у оврага, я подкатил к нему. Тут мы отправили на тот свет обоих немцев из ближней комендатуры, после чего, вернувшись на дорогу, всё же с таким грузом ездить не стоит, покатали дальше. Кстати, Лосеву, когда мы ещё расставались с деревенскими, я выдал кусок портянки, и тот намотал её на рукав, вроде как хиви, помощник. Если что, отбрехаемся, что сами его вооружили, мол, доказал свою преданность во славу Третьего рейха. Найду что сказать. А этих немцев не сложно было убивать, мы их сюда не звали. Да и не марал я руки, отдал приказ, Лосев сам всё и сделал. Сбросил их на траву, чиркнул каждого немца по горлу и, столкнув вниз, слегка для виду забросал ветками. Я же, достав одну из пяти оставшихся мин, поставил её на режим нажимного действия. Найдут тела, случайно иницируют, может, ещё кого прихватить удастся. Оттого сильно и не прятали тела.

А по дороге мы так и катили к селу. Подъезжать к посту на въезде не стали, тут был полноценный блокпост, через село проходила одна из транспортных артерий. А свернули на тропку незадолго до него и покатали по окраине к самолёту помершего лейтенанта. С поста солдаты нас видели, но не смогли опознать, что в кабине сидят другие люди. О том, что лейтенант поедет к самолёту, чтобы заправить его, те наверняка знали, всё же из одной комендатуры, поэтому на наш грузовик никто и не обратил внимания. Свои. Я же, проехав почти половину села, фактически объехав его, повернул к видневшемуся самолёту, что действительно стоял на краю яблоневого сада и где лениво прогуливался часовой с карабином на плече.

Подъехать я постарался так, чтобы между ним и машиной находился самолёт, я не хотел, чтобы тот понял, что на их машине подъехали чужаки, и он поднял тревогу. Поэтому, остановив машину, я выпрыгнул из кабины и рванул к часовому. Тот поздно понял, что происходит что-то не то, хотя он что-то весело спросил у меня, я не разобрал что, а тут вынырнув из-за самолёта, подскочил к нему, часовой уже сдирал с плеча карабин, и вбил ему в солнечное сплетение нож. После чего, уронив на землю, добавил в бок, продырявив печень. Теперь не жилец. Дальше, пока подскочивший Бабочкин быстро снимал ремень с подсумками и карабин, я вытер руки о траву, отмытую финку мне Бабочкин чуть позже вернёт, я её в теле часового оставил, после этого быстро отмыл руки, Лосев полил из фляжки, и осмотрелся. В стороне, метрах в ста, на нас большими глазами смотрели двое мальчишек лет десяти, плохо, что без свидетелей не обошлось, но надеюсь, те нас не выдадут. Не сейчас, по крайней мере. Вытерев мокрые руки, я первым делом развернул машину, подогнав к самолёту. Что мы сделали дальше? Да просто, затащили хвост в кузов и привязали его. Тело часового закинули туда же, после чего, переваливаясь на кочках и рытвинах, неторопливо выехали на ту же дорогу, по

которой приехали, и покатали обратно. Дело в том, что то поле на окраине села, где стоял самолёт, не очень подходило для взлёта. Я вообще не понимал, как лётчик тут смог посадить свою машину. Хотя, может, тот и не тут это сделал, а где-то в другом месте, и сам аппарат, как я сейчас, просто отбуксировали к селу для ремонта. Поди угадай. Об этом лейтенанта я не спрашивал. Тем не менее, когда мы снова появились на виду у того же блокпоста на дороге, там никакого шевеления и тревоги не поднялось, когда мы, буксируя самолёт, проехали мимо и стали удаляться по дороге, по которой приехали. Видимо, солдаты посчитали, что раз их офицер куда-то буксирует свою собственность на ночь глядя, то так и надо. Вот поле у оврага, где мы спрятали тела, вполне подходило для взлёта, и стоило бы туда вернуться, что мы и сделали. Единственно, двигаться неудобно, крылья не сложены, и приходилось съезжать на обочину, пропуская встречные машины или колонны.

Добравшись до места, первым делом сбросили тело часового к тем двум другим, причём так, чтобы не задеть мину, потом занялись самим самолётом. Не обращая внимания на то, что с дороги нас хорошо видно, тут метров триста до неё было, мы сняли разведчик с буксировки и поставили его рядом с грузовиком, втроём тяжело было его ворочать, но вполне в наших силах, если поднапрячься. После этого, используя воронку, мы перелили всё топливо из канистр в баки разведчика. Потом, пока Бабочкин, изображая офицера, заложив руки за спину ходил рядом, наблюдал, как мы с Лосевым работаем, перегружая всё в багажный отсек самолёта, а у него за вторым пассажирским местом, тут лётнаб обычно сидел, имелся небольшой люк с грузовым отсеком в фюзеляже. Тут достаточно места для наших вещей. Вот мы и укладывали всё. Лосев даже пробил бак в грузовике и слил топливо в канистры. Две под пробку, и прибрал их с нами, вдруг пригодятся. Не стоит ещё забывать про ту, что мы с коляски мотоцикла сняли. Уже начало стремительно темнеть, когда мы закончили.

– Всё, машина к вылету готова, – сообщил я. – Надеюсь, неизвестный техник её отремонтировал качественно, и она взлетит. Сейчас быстро переодеваемся, трофейную форму в кузов, перед отлётом подожжём машину, она нам подсветит поле, и взлетаем.

– Командир, я всё понимаю, но кто самолёт поведёт? Я не умею, – быстро расстёгивая офицерский френч, уточнил Бабочкин.

Видимо, этот вопрос мучил бойцов довольно давно, даже странно, что раньше его не задали, но тут уже я понял причину такого отсутствия интереса у них, они решили, что я лётчика на стороне найду. Это я понял по последующему вопросу Лосева:

– Я думал, мы пленного лётчика из какой колонны выдернем, а уже темнеет.

– Успокойтесь, я немного умею управлять такими самолётами, трижды мне удавалось делать это ночью. Люблю быть разносторонним специалистом, изучая новые навыки. Тут в чём дело, инспекции проводить мне часто приходилось, а самолёт – отличное и скоростное средство перемещения, вот мне и выделили самолёт. Правда, там У-2 был, но лётчик с охоткой учил меня, когда я попросил его об этом. Больше сорока часов личного налёта, несколько посадок и самостоятельных взлётов. Сам лётчик в прошлом пару лет проработал инструктором в аэроклубе, так что знал, чему и как учить.

– Но вы ведь летали на другом самолёте?

– Да, на другом, но разницы особой не вижу, – бодро ответил я, на самом деле не будучи так в себе уверен, но самолёт отличная возможность быстро и незаметно переместиться подальше из этой зоны поисков. Вон, даже ночью движение на дороге не стихало.

Не стоит думать, что никто не заметил, что мы делаем в поле, с дороги. Когда мы ещё занимались перетаскиванием вещей, к нам свернуло два мотоцикла. Хорошо, мы этот момент заранее обговорили, Бабочкин сразу залез в кабину и вместо фуражки надел лётный шлемофон с очками, тот на сиденье пилота лежал, искать не потребовалось, только ни одного парашюта не было, а я, включив нужные тумблеры и подкачав топливо бензонасосом, запустил двигатель. Так вот, пока, резко покачивая винт, мотор ревел, прогреваясь, запустить, к счастью, удалось

со второго раза, я общался с мотоциклистами. Предоставил документы на самолёт и общался от имени лейтенанта, который якобы тестировал трофейную машину, а тот лишь лыбился да рукой нам махал. Говорить нормально рёв мотора не давал. Изучив документы, мотоциклисты укатили, проверку мы выдержали, хотя Лосев чуть их не срезал из ППД. Он сидел у хвоста самолёта, ветер трепал его форму и шевелюру, поток воздуха от винта сдул пилотку – так же изображал пленного, пряча в траве за собой автомат. По кромке прошли, но проверку выдержали, те от мотоциклов не стали отходить, пообщались со мной да уехали. Тела в овраге не заметили, мы в стороне от него стояли, метрах в ста.

Уже практически стемнело, когда я, поправив складки своей формы майора РККА, застегнул немецкий ремень, с кобурой пистолета и подсумками к трофейному автомату, и согнал эти складки назад. Фуражку надевать не стал, хотя Лосев её тоже сохранил. Дело не в том, что та помялась, есть такое, а в том, что сейчас мне нужен лётный шлемофон. Сапоги я тоже натянул свои комсоставские, сняв трофейные, после этого всю форму мы закинули в кузов грузовика, Бабочкин полез на место лётнаба, а я, запустив мотор, погонял его на разных режимах – вроде норма – и стал устраиваться в кабине пилота. Дальше, после моего взмаха ординарец поджёг машину, и пока пламя охватывало её всю, подбежал к разведчику и стал втискиваться к Бабочкину, для двоих места там всё же мало, но залез, мы уже пробовали, умищались, я же дал газу, и после долгого разгона мы оторвались от земли и, поднявшись метров на пятьдесят, полетели на бреющем в сторону Украины. А вот у грузовика метались тени, как мы рассмотрели со стороны, и горели фары двух автомобилей, кто-то съехал к нему с дороги. Надеюсь, утром и тела найдут, и мину потревожат. Даже жаль, что у разведчика снято всё боевое вооружение, прочесал бы оба авто из пулемётов, а так мы стали удаляться от этого поля и оврага. Да и хорошо, что самолёт имеет большую грузоподъёмность, до полутонны, их ведь и как лёгкие бомбардировщики использовали. Смогли взять всё, что имели из вещей с собой.

Управляя машиной, я развил скорость до крейсерской в сто восемьдесят километров в час, как показывал датчик. Но крейсерскую я подобрал по звучанию мотора, а не по реальной скорости. Честно говоря, эти машины я знал плохо, дальность полёта подобного аппарата мне была известна приблизительно, километров шестьсот. Может быть и больше. Заправка у нас неполная, так что если хватит километров на пятьсот, считай повезло. Карты у меня при себе не было, никакой, последнюю отдал с Казанцевым, а лейтенант из комендатуры, тетеря, мало того что автомат не взял, ещё и планшетку с картой забыл, долдон. Так что летел я больше по памяти, благо та меня обычно не подводила и примерный маршрут я помнил, ориентиры бы только не потерять. А летели мы к Ровно, а не к Киеву, как можно было предположить. Да и что Киев, там ещё наши оборону держат, а вот под Ровно можно хорошо погулять, насолив противнику. Понятно, что перебираться из Белоруссии, где сплошные леса, ну и болота, которые частью пересохли, в степи Украины опасно, тут обнаружить нас будет легче, но я уже продумал тактику будущего подразделения, под немцев и будем работать. Главное же, часть плана удалось выполнить, мы перебираемся на территорию Украины, причём достаточно быстро. Топлива запас есть, даже если заплутаем, хватит. Должны долететь, даже с моим фактически никаким опытом, включая небольшой ночной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.